

Валерий Ковалев

ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

Человек войны

«Автор»

2006

Ковалев В. Н.

Человек войны / В. Н. Ковалев — «Автор», 2006

В морской пехоте его звали Дим Димыч. Смелый, веселый и бесшабашный, он был замкомвзвода разведки в батальоне и непревзойденный добытчик "языков". Но судьба - индейка, в победном 45-м старшина 1 статьи Дим Вонлярский попадает под следствие и, получив пять лет лишения свободы, препровождается в лагеря. Сбежав по дороге из пересылки, становится бандитом, и его пять лет, как особо опасного преступника, ловит МГБ. В результате второй срок и золотые рудники ГУЛАГа. Там новая война, теперь с ворами, и, наконец, желанная свобода. Работа дальнобойщиком и снова война в лихие 90-е - уже с "братками". Содержит нецензурную брань.

© Ковалев В. Н., 2006

© Автор, 2006

Валерий Ковалев

Человек войны

Мы были высоки, русоволосы,
вы в книгах прочитаете, как миф,
о людях, что ушли недолюбив,
не докурив последней папиросы...

Николай Майоров

Предисловие

Имя этого человека я впервые услышал от отца. После войны они пересекались в лагерях «Дальстроя».

Спустя много лет, волею providения, встретил его в Москве. И мы были дружны последние годы его жизни.

Дмитрия Дмитриевича Вонлярского и сейчас помнят многие ветераны Военно-Морского флота, Федеральной службы безопасности и Генеральной прокуратуры России.

Его поздравляли с Днем Победы, бывший и действующий президенты Страны, чтили генералы и адмиралы-фронтовики, принимали королевская семья и премьер-министр Великобритании.

Судьба этого человека не укладывается в рамки обыденности.

Потомок обрусевшего тевтонца фон Лара и отпрыск дворянского рода, Дим Димыч, как его звали родные и близкие, прожил непростую, но яркую жизнь, оставшись человеком с большой буквы.

Он был курсантом военно-морского училища, парашютистом – десантником и разведчиком морской пехоты в годы Великой Отечественной войны, рубил лес и добывал золото в Магадане, колесил водителем-дальнобойщиком по просторам Союза и Европы.

В разное время о Вонлярском писали российские и зарубежные журналисты, его не раз упоминали в мемуарах Герои Советского Союза, в числе друзей были известные военачальники, космонавты и народные артисты.

При всем этом Димыч был весьма скромный человек. Он жил на Чистых Прудах в небольшой квартире, не требовал привилегий со льготами и трудился на благо Отечества до глубокой старости.

Сейчас, в наши дни, на киноэкранах иные герои. Бандитских сериалов, шоу и «мыльных опер». Надуманные и фальшивые.

То же и в отечественной литературе. Вымышленные Фандорины с Путилиными, Каменские, Званцевы и Челищевы.

А на границах с Россией опять война. Фашисты, при поддержке США с Европой, начали очередной «дранг нах остен».

Победим ли мы?

Иного не дано. Потому что были такие как Дмитрий Дмитриевич Вонлярский и его фронтовое поколение, а в наших жилах течет кровь дедов и отцов, однажды уже сломавших хребет фашизму.

Русский мир просыпается от летаргии.

Часть 1. Лихолетье

Глава 1. У Чистых прудов

«10 октября 1932 года на Днепровской гидроэлектростанции состоялся торжественный митинг по поводу пуска первой очереди станции – пяти энергоблоков Днепровской гидроэлектростанции имени В.И. Ленина (на Днепре, у города Запорожья, ниже днепровских порогов)».

«18 июня 1937 года экипаж советского самолёта «АНТ-25» (Валерий Чкалов, Георгий Байдуков, Александр Беляков) начал беспосадочный перелёт по маршруту Москва Северный полюс – США, закончившийся 20 июня успешным приземлением на аэродроме Ванкувера».

(Выдержки из газеты «Правда»)

В высоком небе над Солянкой* кувыркались голуби.

А далеко внизу, задрав вверх русоволосую голову в тубетейке, за ними восхищенно наблюдал мальчик.

Ему было десять лет лет, звали Димом.

Потом, взблескивая на солнце, стая унеслась в сторону Москва-реки, а мальчик, подхватив стоявший рядом бидон, потащил его дальше.

Углубившись в хитросплетенье переулков, он вошел в один, миновал арку старинного пятиэтажного особняка с табличкой на фасаде «Лучников» и оказался в небольшом дворе, затененном старыми липами.

В дальнем его конце, под раскидистым вязом, сражались в домино несколько пенсионеров, а сбоку от арки компания пацанов играла в пристенок*.

– О! Докторенок! – радостно завопил один, собиравшийся в очередной раз метнуть гривенник, а остальные с интересом уставились на Дима.

Все они были из соседнего Зарядья, с которым ребята Солянки традиционно враждовали, и встреча хорошего не сулила.

– Ну, я, – остановившись, нахмурился Дим, – чего надо?

– Га-га-га, го-го-го! – дружно заржала вся компания, подталкивая друг друга локтями и переглядываясь.

– А давай стукнемся*, – сунув руки в карманы, подошел к нему самый рослый, в сбитой на затылок кепке и клешах, по кличке «Тарзан», вслед за чем ловко цыкнул слюной Диму под ноги.

Парень был года на два старше, шире в плечах и с косой челкой.

– Что, прям здесь? – прищурился Дим, покосившись на стариков (те увлеченно щелкали костяшками).

– Зачем же? – ухмыльнулся Тарзан, перехватив его взгляд – айда туда, – и кивнул на узкий проход рядом с аркой.

Пропустив Дима вперед, вся компания проследовала за ним, и ребята оказались у замшелого каменного сарая.

Там было пусто, исключая прянувших в стороны двух кошек, место, как говорят, располагало, и все остановились.

– Ну, «докторенок», заказывай гроб – шмыгнул носом Тарзан, после чего втянув голову в плечи и сжав кулаки, принял бойцовскую стойку.

Дим молча поставил бидон у двери сарая, затем подошел к сопернику вплотную и сделал то же самое.

– Щас Тарзан ему даст, – утер соплю самый мелкий из пацанов, а остальные четверо окружили пару.

В следующий миг та закружилась в вихре ударов, и через минуту все кончилось.

Тяжело дыша, Дим утирал ладонью разбитую губу, Тарзан валялся на траве раскинув руки.

– Как он его... – протянул кто-то из ребят, а остальные принялись поднимать жоака и приводить в чувство.

– Это называется апперкот, – просипел Дим. – Кто следующий?

Желающих больше не нашлось, но зарядевцы обещали поквитаться, после чего высокие стороны расстались.

– М-да, хорошее дело бокс, – размышлял Дим, выйдя из прохода и направляясь в сторону дома. Начиная с зимы, после уроков, он регулярно посещал его секцию в спортивном обществе, бодро именуемом «Динамо».

Там, в числе еще нескольких десятков мальчишек, Дим качал мышцы, молотил «грушу», учился нападать и защищаться в спаррингах.

– С тебя оголец, может выйти толк, – как-то сказал ему пожилой тренер. – Ты прямо создан для боя.

Войдя в гулкую прохладу подъезда, Дим поднялся по широкой, с чугунными перилами лестнице на четвертый этаж и нажал черную кнопку на двустворчатой высокой двери.

За ней тихо звякнул запор, и левая половина отворилась.

– Димочка! – всплеснула руками возникшая на пороге старушка в пенсне. – Да ты никак опять дрался?

– Немного, – улыбнулся внук, – вот керосин (в бидоне булькнуло), куда поставить?

– Отнеси в кладовку, и сейчас же приведи себя в порядок, покачала головой бабушка.

На звуки разговора из анфилады* комнат появился высокий сухощавый старик с бородкой – это был Димкин дед и хитро уставился на мальчишку.

– За что на этот раз, позвольте спросить? – поинтересовался он, подойдя ближе.

– За справедливость, деда, – последовал ответ, после чего старик сказал «ну-ну», а Дим, сняв ботинки, направился в сторону кухни.

Проживавшая в квартире семья была небольшой и заслуживала внимания.

Уже известный читателю дедушка по материнской линии Михаил Николаевич Вавилов происходил из дворян, до революции служил податным инспектором и читал математику в Варшавском университете. Теперь, он занимал высокую должность в наркомфине*, но диктатуру пролетариата откровенно не одобрял и придерживался монархических убеждений.

За это бывшего надворного советника* периодически вызывали на Лубянку, и настоятельно рекомендовали поменять взгляды. А еще каждый раз интересовались, почему он не ушел за кордон с белыми. Как его брат – полковник Генерального штаба.

В ответ Михаил Николаевич сокрушенно вздыхал и неизменно отвечал, – я русский. И люблю Россию.

Карающий меч революции тогда еще разил не в полную силу (новая власть весьма нуждалась в специалистах из «чуждого класса»), и Вавилова с миром отпускали.

Более того, в знак лояльности ему оставили неразграбленную просторную квартиру, а заодно царские ордена: Святослава и Святой Анны.

В отличие от деда, бабушка – Александра Федоровна, была из мещан, являлась опорой домашнего очага и его верной подругой. В голодные 20-е, она снесла в Торгсин* мужнины ордена, а заодно свое золотое кольцо с серьгами и брошь, чем спасла семью от неминуемой смерти.

Но самой интересной в семье была одна из их трех дочерей и мама Дима, – Мария Михайловна.

В юности она закончила медицинские курсы, и сразу же добровольцем ушла на войну. Империалистическую.

А в 1914-м, на Румынском фронте, молоденькая сестра милосердия стала кавалером Георгиевской медали «За храбрость» 4-й степени. Награду ей вручил лично Великий Князь Константин Николаевич.

Над позициями своих войск он увидел в небе обстреливаемый противником воздушный шар, откуда разведчики хладнокровно и точно корректировали огонь русской артиллерии.

Каково же было удивление царственной особы, когда на месте приземления среди мужчин обнаружилась хрупкая девушка с медицинской сумкой.

Барышня назвалась мадмуазель Вавиловой и пояснила, что упростила господ офицеров взять ее с собой на задание.

– Однако, – разгладил усы князь, любуюсь миловидной девицей. – Вы достойны награды.

В отличие от родителей, дяди и сестер, Маруся восприняла революцию всем сердцем и, вернувшись с одной войны, отправилась на вторую. Теперь уже Гражданскую. Ее она прошла с начала до конца, медработником в 1-й Конной, и знала самого командарма Буденного.

Там же познакомилась со своим мужем, комэском* Дмитрием Вонлярским, после безвременной кончины которого, перенесла всю свою нерастрченную любовь на единственного сына.

При всем этом, иногда его балуя, Мария Михайловна держала ребенка в строгости, закаляя по утрам холодной водой, а зимой обтирая снегом. У такой лихой мамы, сын не мог быть трусом.

Спустя час, дед с бабушкой и внук обедали в небольшом, обставленном старинной мебелью зале, откуда с висящих на стенах рам, на них взирали предки.

А вечером со службы вернулась мать (теперь она работала врачом в ведомственной поликлинике Внешторга) и сообщила радостную весть – через пару дней они с Димом отправляются на море.

– Ура! – запрыгал по комнатам сын, а остальные принялась обсуждать поездку.

Расширяя кругозор чада и заботясь о его здоровье, уже третье лето Мария Михайловна подражалась работать в Черноморских санаториях врачом на договоре. Они уже побывали в Геленджике и Коктебеле, а теперь их ждал дом отдыха в Феодосии.

– Так, Феодосия, – притащив из дедушкиного кабинета толстый фолиант в кожаном переплете, открыл его на нужной странице Дим.

«Портовый и курортный город юга Малороссии на юго-восточном побережье Крыма. Основан греческими колонистами из Милета в VI веке до нашей эры».

– Вот это да! – взглянул на внимательно слушавших домочадцев и продолжил дальше.

«С 355 года входил в состав Боспорского царства и имел аланское название Ардабада, далее был захвачен хазарами, а потом перешел под контроль Византии.

В XII веке был колонизирован генуэзцами и назван Каффой, а в 1771 году взят русскими войсками и получил название Феодосия».

Интересно, – захлопнул книгу Дим. – А про Каффу мне рассказывал дед Оверко.

Последний был дедом по отцовской линии, происходил из запорожских козаков и жил в хуторе над Днепром, куда в начальных классах мама дважды возила сына.

Там, с его легкой руки, внук научился скакать на лошади, драть раков в ставке, а еще танцевать гопака под бубен.

В следующую субботу Дим, наряженный в матросский костюмчик и бескозырку, отправлялся с родительницей с Курского вокзала в Феодосию.

На перроне царило радостное оживление, из репродукторов лился бодрый голос Утесова, празднично одетая публика, чинно шествовала к вагонам.

В купе, где расположились Вонлярские, кроме них ехал престарелый священник с женой, и между взрослыми сразу же завязался разговор, а Дим с интересом пялился в окно, наблюдая за посадкой.

Затем по вагону прошелся солидный проводник в белом кителе и фуражке, предлагая провожающим его покинуть, а через пару минут лязгнули сцепки, по составу прошла дрожь, и он плавно покатился вдоль перрона.

В ту же минуту из-под вокзальных сводов грянул «Марш авиаторов», (провожающие замахали руками), а батюшка мелко перекрестился.

– Ну, вот и поехали, – счастливо взглянул Дим на мать, и та ответно улыбнулась.

Спустя полчаса за окнами промелькнули окраины Москвы, и поезд, набирая ход, пока-тил в сторону юга. Оглашая цветущие дубравы и поля ревом паровозного гудка, он заставлял быстрее биться сердце, колеса ровно стучали на стыках, в голубом небе дрожал жаворонок.

К вечеру ландшафт сменился, лесов и рощ стало меньше, а горизонт шире, на западе зажглись первые зарницы.

Утром справа по ходу, открылась бескрайняя синева, и Дим, радостно высунулся в окно, – море! Его мальчишка полюбил в первое посещение Крыма, и с каждым годом это чувство ширилось и укреплялось.

В Феодосию поезд прибыл в полдень, и с вокзала, прихватив чемодан с баулом, Марья Михайловна с сыном, на извозчике отправились в санаторий.

Солнце стояло в зените, над горами плыли легкие облака, в синеве залива куда-то уплы-вал парус.

Миновав каменный мост над обмельчавшей речкой, пролетка миновала старую, часть города и направилась вдоль побережья к одному из расположенных там санаториев.

Он имел несколько корпусов и утопал в зелени.

– Т-пру, милая, – натянул вожжи извозчик и оглянулся на пассажиров, – приехали.

Расплатившись, мать с сыном захватили багаж и направились к одному из зданий, с бю-щим перед входом фонтаном и сидящими в тени деревьев на скамейках несколькими отдыха-ющими.

В прохладном холле Мария Михайловна объяснила администратору кто она, та ответила, что предупреждена и сопроводила прибывших к коменданту.

– Как же, как же, ждем-с, – расшаркался при встрече тот. – Московским специалистам мы всегда рады.

Чуть позже путешественники распаковывали вещи в предоставленном им служебном номере, а в его открытое окно лился запах цветов и моря.

На следующее утро доктор Вонлярская приступила к своим обязанностям, а Дим, полу-чив надлежащий инструктаж, после завтрака сразу же отправился к морю. Оставлять его одного мать не опасалась, для своих лет парень был достаточно самостоятельным, к тому же сын мог постоять за себя и отлично плавал.

Выйдя на набережную, с дефилирующими по ней отдыхающими, для начала Дим выпил стакан газировки у толстой теткой, расположившейся со своей тележкой под полотняным тен-том, а затем по тропинке сбежал вниз, к тянущемуся вдоль залива пляжу.

Сбросив сандалии, он вошел по колено в тихий шорох волн, после чего радостно заорал, – здравствуй море!

– Мальчик, ну чего ты кричишь, как в лесу, – недовольно протянула загорающая непода-леку в шезлонге дама, а копающаяся рядом с ней в песке малышка в панамке звонко рассме-ялась, – здластвуй!

– Извините, тетя, – выбрел на берег Дим, и, прихватив сандалии, пошлепал по урезу воды вдоль пляжа.

Затем он узрел вдали что-то вроде причала и решил его исследовать.

Оставив позади людную часть пляжа, Дим приблизился к сооружению (оно было забро-шенным и ветхим) и увидел под настилом у береговых свай группу мальчишек.

Трое, мутузили одного, рыжего, а тот стойко оборонялся.

Налицо была явная несправедливость, и Дим тут же ввязался в драку.

Самый активный получил от него в нос, и с воем покатился по песку, второго рыжий ловко поддел «на кумпол», а третий кинулся бежать, резво мелькая пятками.

– Канайте отседова, – бросил мальчишка своим врагам, после чего сунул незнакомцу руку. – Жека.

– Дим, – протянул тот свою и кивнул на удалявшихся ребят. – Чего они к тебе прикопались?

– Эти шкеты* с Карантина, я с Форштада, щупая заплывший глаз ответил рыжий. – Традиция у нас такая, как только пересекаемся, сразу драка.

– Ха-ха-ха! – чуть присев, закатился смехом Дим, а Жека недоуменно на него уставился, – ты чего?

– Да, понимаешь, – утерев выступившие на глазах слезы, ответил Дим. – У нас на Солянке тоже.

– А Солянка это где? – почесывая ногой ногу, спросил Жека.

– В Москве, – последовал ответ. – Я вчера оттуда приехал.

И потекли незабываемые дни каникул.

Для начала Дим познакомил маму с новым приятелем (та отнеслась к этому с пониманием), а Жека провел с ним экскурс по «местам боевой славы».

Таковыми явились остатки генуэзской крепости, которую мальчишки излазили сверху донизу, турецкая мечеть Муфтий-Джами, несколько древнеармянских церквей и, самое главное, место стоянки легендарного броненосца «Потемкин».

К сему присовокупился ряд удачных набегов на сады местных аборигенов за черешней, ловля черноморских бычков, ныряние со скал и купание на пляже.

По воскресеньям же, когда у мамы был выходной, они с сыном в составе экскурсий поднимались на отроги хребта Тепе-Оба, совершали поездки в Алушту и Коктебель, а вечером отправлялись в курортный парк, где прогуливались по аллеям.

Утомленное солнце, нежно с морем прощалось,

В этот раз ты призналась, что нет любви...

доносилось с танцевальной площадки, отчего Марья Михайловна грустнела, а Дим ел мороженое и думал, как это солнце может быть утомленным.

Но все хорошее когда-нибудь кончается, пришли к завершению и каникулы.

Тихим вечером августа, под треск цикад в пристанционных акациях, семья Вонлярских убывала в Москву, «на зимние квартиры».

За окном проплывал неширокий перрон, на котором среди провожающих стоял Женька, а Дим махал ему из окна бескозыркой...

Новый учебный год начинался с новой школы.

Гранит наук потомок запорожцев щелкал как орешки, но весьма любил побузить и был героем педсоветов.

Зато дворовое братство «докторенка» ценило. За верность товариществу, бойцовский нрав и независимость.

В результате два директора, ничтоже сумятише, поочередно от него отказались, а третий принял под свое крыло после долгих уговоров мамы и бабушки.

– Если вас, молодой человек, исключат и из этой, – попыхивая трубкой заявил Михаил Николаевич внуку, когда 1 сентября тот отправлялся в храм науки, – остается одно. Стать сапожником. Как Ванька Жуков.

Такая перспектива Дима не устраивала, и, скрепя, сердце, он решил работать над собою. Тем более что все условия к тому были.

Страна ковала трудовые подвиги, Чкалов совершил свой знаменитый перелет Москва-Ванкувер, а молодое поколение массово занималось спортом.

И Дим стал совершенствоваться

Для начала сдал нормы «Ворошиловский стрелок», а потом стал прыгать с парашютом в ЦПКО имени Горького. Там имелось две вышки. С одной сгали столичные и приезжие смельчаки, а вторую использовала работавшая там секция.

Росла и его страсть к морю.

В библиотеке дедушки любознательный внук прочел всего Станюковича, Конрада и Мариэтта, после чего у него возникла мысль стать морским офицером.

Однажды вечером, когда Дим возвращался домой после тренировки, он лицом к лицу столкнулся со своим старым знакомцем Тарзаном.

Тот был в форме лейтенанта – пограничника и с девушкой.

– Здорово, докторенок! Ну, ты и вымахал, – протянул первым руку.

– Здорово, – пожал ее Дим, с интересом разглядывая Тарзана.

– Вот, приехал в отпуск после училища, – сказал тот. – Ну а ты как? Куда думаешь после школы?

– Еще не определился, – пожал плечами Дим, а девушка капризно надула губки, – ну пойдём, Толя. В кино опоздаем.

– Успеем, – взглянул на часы лейтенант. – А тебе, Дим скажу так. И продекламировал «Юноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, Скажу, не задумываясь – делай ее с товарища Дзержинского!».

– Помнишь, кто сказал?

– Помню. Маяковский.

Вслед за этим они распрощались, и пара растворилась в вечерних сумерках.

После этой встречи Дим еще больше укрепился в своей мысли, чем поделился с родными.

– Офицерами были твой отец и дед, – сказал Михаил Николаевич. – Достойное решение. Мама тоже его одобрила, а бабушка вздохнула. Ей не хотелось, чтобы внук был военным.

Летом 1940-го, получив «аттестат зрелости», Дим отправился поездом в Баку. Поступать в Каспийское высшее военно-морское училище.

За вагонным окном пронеслись окраины Москвы, поезд вырвался на просторы и началась другая жизнь, интересная и напряженная.

Вступительные экзамены сдал успешно, после чего кандидат Вонлярский предстал перед мандатной комиссией.

– Почему у вас в аттестате тройка по дисциплине? – поинтересовался начальник училища, капитан 1 ранга Сухиашвили.

– Драться любил, – по возможности коротко ответил Дим.

– Как драться?

– Разряд по боксу у меня.

– А удостоверение есть?

– Так точно! – уже не притворяясь паинькой, гаркнул Вонлярский и вытащил удостоверение.

Воцарившуюся после этого краткую паузу, вновь нарушил начальник училища.

– Вы хотите быть моряком?

– Так точно!

– Вы им будете. Идите!

Так мечта Дима стала реальностью.

Все, что касалось флота, будущие командиры постигали без дураков. Дим и его сокурсники были уверены: не сегодня – завтра начнется война и готовились к этому очень серьезно.

Парни изучали штурманскую, артиллерийскую минную и другие дисциплины, боролись за живучесть на учебных циклах,*стреляли на полигоне из винтовок по мишеням.

Но молодость есть молодость. В увольнениях суровый флотский кураж уступал место безмятежности. Курсанты устраивали променаж по вечерним набережным Баку, ухаживали за девушками и дарили им цветы, посещали танцплощадки и местные духаны*.

В духанах они любили подкрепляться истекающими соком горячими чебуреками, остужая их жар стаканом-другим холодного портвейна.

А заодно постигали одну из флотских заповедей, при которой на вопрос, «Что должен уметь каждый моряк?» следовал ответ: « По крайней мере три вещи: правильно подойти к причалу, столу и девушке».

При всем этом ребятам страшно хотелось выглядеть бывалыми. Для чего муаровые, с золотом, ленты бескозырок удлинялись «до кормы», форменки приталивались, а клеша, наоборот, уширялись до полуметра.

Кроме военно-морских дисциплин, особое значение в КВВМУ* уделялось физической подготовке. Курсанты регулярно выходили в море на гребных ялах, бегали по утрам пятикилометровый кросс и занимались плаванием.

Спустя несколько месяцев Дмитрий Вонлярский стал заместителем командира взвода и старшиной 1 статьи, что воспринял с энтузиазмом.

Глава 2. С корабля на бал

«Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы...

(Из речи И.В. Сталина 3 июля 1941 года.)

Война для Дима и его сокурсников началась вполне ожидаемо, то – есть победоносно. На чужой территории и малой кровью. Словом так, как и обещал Клим Ворошилов – Первый Маршал и кумир всей тогдашней советской молодежи.

31-го августа сорок первого, Вонлярского и его товарищей сняли с учебного корабля «Правда», где они проходили морскую практику, после чего в составе мощной десантной группировки высадили на иранском побережье Каспия, близ города Пехлеви.

Это малоизвестная в истории операция призвана была отбить у Гитлера и его единомышленников в Иране самую мысль посягнуть с Юга на стратегически важный район бакинских нефтяных промыслов.

Многочисленному и решительно настроенному десанту краснофлотцев противостояли лишь мелкие диверсионные группировки иранцев, подготовленных немецкими инструкторами.

Под дулами главного калибра канонерских лодок «Красный Азербайджан» и «Бакинский рабочий», а также других кораблей Каспийской флотилии, «воины аллаха» благоразумно драпанули.

А высадившиеся на берег моряки быстро прочесали побережье и, прихватив кое-какие трофеи, отчалили на шлюпках к кораблям, грозно покачивавшимся на внешнем рейде.

– Ну что же! Так воевать не хило! – сказал себе курсант Вонлярский, после благополучного возвращения на мыс Зых, в казармы родного училища.

Вечером в клубе в очередной крутили всю ту же неувядаемую картину «Если завтра война, если завтра в поход», где краснозвездные чудо-богатыри играючи громили и гнали с родной земли чужеземных супостатов, что весьма впечатляло, и каждому хотелось стать героем.

Однако все это как-то не вязалось с все более тревожными сводками с фронта.

Когда же в очередной раз низкий голос Левитана сурово сообщил о кровопролитных боях под Вязьмой, Дим не ведал, что и думать.

Она находилась от Москвы всего в двухстах километрах.

А потом он узнал трагическую правду от мамы. Тяжело раненная под Смоленском, военврач III -го ранга Вонлярская была эвакуирована в бакинский госпиталь, где произошла встреча с сыном.

На нее похудевший Дим принес несколько мандаринов и кулек кураги – гостинец.

Похудевшая, с горячным блеском в глазах, Мария Михайловна рассказала Диму о стремительном отступлении Красной Армии к Смоленску и тяжелых уличных боях, развернувшихся в городе, страшном котле под Вязьмой, где в окружение попали четыре наших армии.

Находиться вдали от фронта, где уже успела побывать мать, Дмитрий больше не мог, а к тому же он полагал, что без него войну не выиграют.

И забросал командование рапортами.

Были несколько нелюбимых разговоров, но своего добился.

В октябре 1941-го, училище проводило на фронт первый отряд курсантов. Принявший их на борт корабль отшвартовался в Красноводске, где моряков погрузили в теплушки и состав последовал странным маршрутом, через Ташкент и Алма-Ату в сторону Барнаула.

– Куда везут? – недоумевали Дим с друзьями, наблюдая за мелькавшими полустанками, забитыми эшелонами с эвакуированными.

Гремели колеса на стыках рельс, в щели задувало, тревожно ревел гудок паровоза.

Прибыли в Новосибирск, в качестве пополнения 71-й Тихоокеанской бригады морской пехоты, под командованием полковника Безверхова.

Дальнейшие события приобрели стремительный характер. Бригаду за три дня, литерным поездом перебросили в подмосковный Дмитров.

Это были решающие дни для судьбы Москвы и всей страны в целом.

Гитлеровский план «Тайфун», по захвату столицы Советского Союза, вступил в фазу завершения.

Ударные части вермахта из группы «Центр», всю утюжили поля ближайшего Подмосковья, а их передовые разведывательные дозоры, несколько раз выскакивали к северным и северо-западным окраинам столицы.

Одной из групп даже удалось установить дальнобойные орудия в районе Красной Поляны, откуда до Кремля было рукой подать: всего два с половиной – три десятка километров.

К счастью, вызванный по звонку из сельсовета неизвестной женщиной, отряд красноармейцев буквально в последнюю минуту избавил город от прицельного огня вражеской артиллерии.

В этот же день, 27-го ноября, еще более серьезная угроза возникла на северо-западном направлении. Части 3-ей танковой армии вермахта захватили стратегический мост через канал Москва-Волга.

После этого никаких других естественных препятствий и никаких сопоставимых с фашистами сил, у них на пути не было.

Лишь ценой невероятных усилий и снова в последний момент, навстречу изготовившемуся к последнему прыжку врагу, советское командование перебросило 1-ю ударную армию генерала Кузнецова.

Ее бойцы с ходу нанесли врагу столь мощный удар, что тот не только оставил мост, но и находившуюся за ним Яхрому, а заодно и целый ряд других пунктов.

Однако дальше немцы закрепились на удобном для себя рубеже по линии деревень Языково – Гончарово – Ольгово, и с господствующим над местностью высот расстреливали наши наступающие части.

В Берлине уже гремели победные фанфары, под лай бесноватого фюрера с трибун, арийцы вопили «хайль!», готовился сценарий парада фашистских войск на Красной площади...

А в это же самое время, включенная в 1-ю ударную армию, отдельная Тихоокеанская бригада морской пехоты, скрипела сапогами по снегу в сторону деревни Языково. Навстречу мела поземка, ветер рвал полы шинелей, где-то далеко полыхало и гремело.

Здесь бойцов впервые за много дней накормили горячей пищей из полевых кухонь.

– Да, харч здесь «не того», – черпая с Димом из одного котелка жидкий суп, шмыгнул носом конопатый Юрка Бубнов. – Крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой.

– Ничего, перебьемся, – откусил старшина кусок черняшки и потянулся к парящей рядом алюминиевой кружке. Дегтярного цвета чай был без сахара и пах рыбой.

На марше подразделение довооружили новенькими винтовками СВТ* и бутылками с зажигательной смесью, а заодно выдали противогазы.

Противогазы за явной ненадобностью, ребята повесили у дороги на кусты, а освобожденные сумки наполнили патронами и гранатами.

К бутылкам отнеслись с некоторым сомнением. Зато ладным винтовкам явно обрадовались. С таким оружием в атаку только и ходить. Не зря же с ними маршировали на довоенных смотрах и парадах.

Впрочем, сам Дим, предпочел бы автомат. И еще белый полушубок. Но теплые щегольские кожушки полагались только комсоставу. А автоматов ППД* на всю бригаду было только два. У комиссара Боброва и самого комбрига Безверхого.

Первый же бой расставил все по своим местам. Жестоко и кроваво. Белые кожушки оказались замечательной мишенью. По этой начальственной примете немецкие снайперы первым делом перещелкали почти весь командный состав.

Не оправдали надежд и самозарядные винтовки. На лютом морозе у многих отказал подающий механизм.

Так что уже в самом начале атаки, Диму вынужденно пришлось возглавить взвод и, как все остальные, бежать на врага с примкнутым штыком, но зато с «полундрой»* и в бескозырке.

Подпустив атакующие цепи поближе, фашисты открыли шквальный огонь и положили моряков в снег. Тут бы им и остаться, но выручил командир разведки лейтенант Павел Сухов. Приказав закидать себя снегом (маскхалатов не было), он сумел подобраться к пулеметной огневой точке у церкви и закидал ее гранатами. В последнем отчаянном рывке морские пехотинцы ворвались на окраину села, и началась рукопашная.

Своего первого немца Дим заколол штыком, содрогнувшись от брезгливого чувства, и все завертелось в бешеной круговерти. В воздухе висел черный мат, рвались гранаты и гремели выстрелы, в дыму горящих танков и изб, мелькали искаженные лица.

Потом винтовку рвануло из рук (штык чем-то перебило), и осатаневший Дим перехватив ее за горячий ствол, стал гвоздить немцев по головам прикладом.

Когда бой закончился и Языково отбили, в его руках остался только жалкий обломок.

Враг же, между тем перегруппировался, и, подтянув танки с артиллерией, сам пошел в атаку. При поддержке авиации.

Не получив огневой поддержки от своих, бригада отошла к ближайшему лесу.

Из того боя обе стороны извлекли уроки.

Моряков тут же перевооружили безотказными «трехлинейками» образца 1891/31 года, а заодно экипировали ватными штанами с телогрейками. Техники, однако, не подкинули. Ее остро не хватало.

Один из «неосознавших» это комдивов получил взбучку лично от начальника Генерального штаба Жукова.

В ответ на грозное жуковское «почему топчешься на месте?!», тот посетовал на отсутствие артиллерийской поддержки. И нарвался на ответ.

– Об артиллерии забудь! Тебе дали десять маршевых батальонов! Дадим еще десять! И только попробуй не выполнить приказ! Расстреляю!

Зато у немцев с поддержкой, а особенно с воздуха, все было в ажуре.

И теперь они делали все, чтобы не допустить «черную смерть» на дистанцию штыкового боя.

О том, что моряки не берут их в плен, гитлеровцы уже знали. Накануне, во время затяжного боя за несколько раз переходившее из рук в руки Языково, они страшно расквитались за свой яхромский позор.

И старшина Вонлярский с ребятами были тому свидетелями.

В очередной раз ворвавшись после удавшейся атаки в деревню, они наткнулись на обезображенные тела своих ранее попавших в засаду товарищей из бригадной разведки.

У них были выколоты глаза, а на груди вырезаны звезды.

Все это так потрясло Дима, что он невольно отвел взгляд в сторону – туда, где густо чадил только что подбитый немецкий бронетранспортер. Из его развороченного бока, вместе с кипой новеньких офицерских мундиров, на покрытый копотью снег вывалилась целая россыпь свежее отштампованных «железных крестов».

У этой выпотрошенной немецкой мечты, пройти парадом по Красной площади, над изуродованными телами своих растерзанных товарищей, старшина 1 статьи Вонлярский вдруг отчетливо понял: «Пощады не жду. Но и вы ее не ждите, гады!».

Через день немцы вновь выбили моряков из Языково. И снова предстояло начинать все сначала.

Потом, после окончательного освобождения деревни, соединение отбивало у врага Солнечногорск и Клин, успешно действовала на Северо-Западном направлении.

В начале января 1942-го, за мужество и героизм, проявленных в боях за столицу, оно стало именоваться 2-й Гвардейской бригадой морской пехоты.

Но Дим этого уже не знал.

После тяжелого ранения в бедро во время последнего боя за Языково, он оказался в военно-полевом госпитале в Иваново. Врачи хотели ампутировать ногу, но Дим категорически отказался.

– Умрешь от гангрены, парень, – сказал главный хирург.

– Пусть, – был ответ. – Как я без нее воевать буду?

Ногу все-таки спасли, сделав несколько операций.

Расположенный в школе госпиталь был до отказа набит ранеными. На трех его этажах стонали, вопили от боли и матерились. Одни выздоравливали – другие умирали.

В палате, где лежал Дим (это был класс, с грифельной доской и атласом СССР на стенах), таких было человек двадцать. Всех родов войск, от рядовых до младших офицеров.

Рядом со старшиной, закованный в сплошной корсет из гипса, из-под которого тек гной, лежал танкист, скрипевший по ночам зубами от боли, а с другой стороны сбитый под Яхромой, летчик. У младшего лейтенанта была перебита рука, он уже шел на поправку.

Был там и еще один моряк-тихоокеанец, которого Дим знал шапочно, с контузией и простреленным плечом, лежавший напротив у окна, за которым виднелись голые ветви тополя.

Поначалу ослабевший от операций и потери крови, старшина воспринимал все как в тумане, но потом пошел на поправку. Сказались железный организм и воля к жизни.

Через месяц, зажав подмышку костыли, Дим уже ковлял по палате, а потом стал выбираться в длинный коридор, пытаясь ступить на ногу.

Имея легкий характер и неистребимый оптимизм, моряк быстро перезнакомился с соседями по палате и, кроме сослуживца по бригаде, того звали Володей Ганджой, сдружился с соседом по койке, летчиком Васей Поливановым.

После утренних процедур они часто выбирались в коридор и дальше, на лестничную площадку, где можно было подымить махрой, не привлекая к себе лишнего внимания.

А еще они рассматривали из окна старинный город, разделенный надвое рекою Уводь, купола церквей и проходящих по улицам стайки девушек.

– Ск – кольцо их здесь! – восхищенно крутил головой заикающийся Вовка.

– Много – отвечал всезнающий лейтенант. – Текстильщицы.

К вечеру, вместе с другими выздоравливающими, друзья собирались у висящего на стене атласа.

На нем пожилой дядя из ополченцев, с перевязанной головой, слюнявя огрызок химического карандаша, аккуратно обводил названия освобожденных городов.

В ходе наступательной операции Красной Армии под Москвой, немцы потерпели сокрушительное поражение. Их войска отбросили на сто пятьдесят – двести километров от столицы, полностью были освобождены Тульская, Рязанская и Московская области, многие районы Калининской, Смоленской и Орловской.

Однажды в воскресенье палату навестили летчики. Майор и старший лейтенант с сержантом.

Майор, от имени командования, вручил Поливанову орден «Красной звезды», капитан толкнул короткую речь, поздравив всех раненых с победой, а сержант, подмигнув Вовке, сунул тому под кровать вещмешок, в котором что-то звякнуло.

Потом летчики попрощались и ушли, а кто-то из лежачих спросил, – за что ж тебе такой орден, младшой? Расскажи, пожалуйста.

– Да я это, немецкий «мессершмитт» сбил, – покраснел Вася. – Так, случайно.

Палата грохнула смехом, а пожилой ополченец даже прослезился. – Дай я тебя расцелую, сынок, – подошел к Полетаеву и чмокнул того в щеку.

В оставленном сержантом «сидоре»* оказался изрядный шмат сала, головка сыра и несколько пачек галет, которыми Вася оделил всех в дополнение к ужину, а еще фляжка с водкой. Ту он придержал до ночи.

Когда же палата погрузилась в сон, тяжелый и беспокойный, вся тройка собралась вместе, «обмыть» орден.

– Ну, чтоб этот м-мессер, был у тебя не п-последним, – поднес к губам фляжку Володя.

Поздравив друга, Дим тоже сделал изрядный глоток, а когда лейтенант хлебнул третьим и шумно выдохнул, с соседней койки раздался хриплый шепот, – братки, дайте и мне немного.

Летчик с моряками удивленно переглянулись (говорившим был считавшийся безнадежным танкист в корсете), и Полетаев сунул ему в обросший рот горлышко, тот довольно зачмокал.

– Порядок, – со знанием дела заявил Ганджа. – Пьет, значит, жить будет.

Запомнился Диму и еще один случай.

В канун Первомая в госпиталь пришли школьники с учителями. Все без исключения худенькие и глазастые.

Поздравить раненых и дать небольшой концерт.

Сначала под баян они сплясали полечку, затем почитали стихи Пушкина и Фета, а в завершение шустрый первоклашка – конференсье звонко объявил: «марш Москва-Майская! Исполняет хор учеников 42-й школы!»

Ребятишки выстроились в ряд, вперед вышла девочка с хвостиками-косичками, качнув головой, баянист развернул меха, и в воздухе родилась песня

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.
Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,-
Сердце Родины моей!

взлетел к потолку спортзала, в котором сидели раненые, серебряный голосок и его оттенил бодрый хор голосов

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая,-
Страна моя,
Москва моя -
Ты самая любимая!

У многих бойцов с командирами увлажнились глаза, а у Дима прошел мороз по коже... После праздника приехала мама.

К тому времени Мария Михайловна была начальником санчасти Тбилисского пехотного училища и сумела организовать перевод раненого сына поближе к себе, в госпиталь, расположенный в столице Грузии.

По дороге, все еще сильно хромающий Дим, заехал на несколько дней в Москву.

Родной город, в котором он не был два года, поразил малолюдем и прифронтовым обличем.

Садовое кольцо у метро «Парк культуры» перегораживали противотанковые ежи и выполненные из мешков с песком баррикады, от Белорусского вокзала по Ленинградскому шоссе в сторону фронта шли колонны танков, над улицей Горького и Кремлем, висели аэростаты противоздушной обороны.

Ближе к ночи в столице объявлялись воздушные тревоги, в небе метались лучи прожекторов, и от зенитной канонады дрожали стены зданий.

В опустевшей квартире в Лучниковом переулке, племянника встретил родной брат мамы – дядя Миша.

– Ну вот, ранили меня, – опираясь на костыль и словно оправдываясь, – сказал Дим. – Теперь, наверное, и повоевать не успею.

– Успеешь, – тяжело вздохнул дядя. Участник гражданской войны на стороне белых, в прошлом офицер – дроздовец, ставший в советское время ответственным работником одного из министерств, Михаил Михайлович Вавилов военную науку помнил хорошо и в происходящем на фронтах, разбирался профессионально.

– Самые сильные бои, будут на Волге. Вот увидишь, – сказал он племяннику, когда они пили чай с сухарями на кухне.

– Да разве немцы туда дойдут?! – сделал круглые глаза Дим.

– Полагаю да. Но потом их погонят обратно.

Старшина не мог в это поверить. В его память намертво врезались слова самого товарища Сталина, произнесенные с трибуны во время ноябрьского парада 41-го: «Еще несколько месяцев, полгода, максимум год и фашистская военная машина рухнет под тяжестью совершенных преступлений».

В 1943 году, уже после Сталинградской битвы, дядю засадят в лагерь под Ухту. Как контрреволюционный элемент. Надолго.

Правда, Дим об этом ничего не знал. Родня об этом в своих письмах помалкивала.

Засиделись далеко за полночь, потом Михаил Михайлович уложил племянника спать, а утром Дим решил отоварить аттестат, с продуктами у дяди было туго.

На армейском продпункте у Белорусского вокзала он получил пару кирпичей хлеба, гречневый концентрат, шмат сала, цыбик* чаю и кулек сахара, решив сделать подарок старику от племянника.

А затем, оставив все дома, похромал в военкомат, сделать отметку в проездных документах. Каково же было его удивление, когда там, лицом к лицу, Дим столкнулся с одним из друзей, с которым занимался в секции бокса.

Звали того Сашка Перельман, был он с двумя кубарями на петлицах, в черной перчатке на левой руке и с орденом «Красной Звезды» на гимнастерке.

– Сашка, черт! Димка! – обнялись бывшие «динамовцы». – Вот так встреча!

Чуть позже они сидели в прокуренном кабинете Перельмана и обменивались новостями.

Сашка рассказал, что воевал под Ржевом, где был ранен и теперь помощник военкома. Дим поведал о своем боевом пути, а заодно спросил, что тот знает о других ребятах.

– Витя Сомов убит под Ельней, – вздохнул тот, – Семка Карабанов и Денис Гончар на Дону, об остальных не знаю.

– М-да, – нахмурился Дим, и приятели надолго замолчали.

– Слушай, а давай сходим вечером в ресторан, – закурил папиросу Перельман, посидим там, ребят помянем. Я угощаю.

– Разве сейчас они работают? – удивился Дим. – В такое время.

– Не все, – пожевал тот мундштук, – но жизнь продолжается.

Далее лейтенант ходил в канцелярию, где учинил в документах Дима нужный штамп, после чего они договорились встретиться в 20.00 на Кузнецком Мосту у коммерческого ресторана. Что такие появились в Москве, для Дима тоже было новостью.

– Только ты вот что, – сказал Перельман, ткнув папиросу в пепельницу. – Надень гражданку, если есть, туда патрули навевываются.

Ровно в назначенный час, Вонлярский подошел к ресторану, где его уже ждал лейтенант, в гражданском костюме и шляпе.

– Ничего, – одобрительно оглядел он Дима (тот был в таком же и кепке), – теперь можно и внутрь, принять по грамулке.

В ресторане с зашторенными окнами, было тепло и уютно. Сверху лился мягкий свет люстр, зал был полон наполовину.

– Вроде и не война, – сказал Дим, когда сдал верхнюю одежду в гардероб, они присели за свободный стол. После чего оглядел публику – Не иначе герои резерва?

– Тут всякой твари по паре, – ответил Сашка, подзывая официанта.

– Чего желаете? – подлетел к нему молодежавый хлыщ. – Имеются свежая семга, телятина и зелень, из горячительного коньяк, водка и шампанское.

– Графин водки, – просмотрел меню Перельман, селедку и отбивные по-киевски.

– Слушаюсь, – пропел хлыщ и упорхнул в сторону кухни.

Первой помянули ребят и навалились на еду. Затем лейтенант набулькал по второй, и они со старшиной выпили за встречу.

– Я – то, похоже, отвоевал, – кивнул на руку Перельман. – А ты, Димыч, береги себя, если сможешь.

– Здесь Санек, как получится – тряхнул чубом старшина. – Давай, за победу.

Выпили и обернулись на громкий мат, прозвучавший от соседнего столика.

Там гуляла компания из двух крепких парней и пары размалеванных девиц в крепдешинах*.

– Полегче! – бросил им Дим. – Здесь вам не малина.

– Чего-чего? – поднялся со своего места, один. – Ах ты, сука!

В ответ старшина молча встал, опираясь на трость, шагнул к компании и врезал тому в ухо.

Парень обрушился на пол, а девицы оглушительно завизжали.

Зарежу, падла, – прошипел второй, и в его руке блеснула финка.

– Сидеть! – рявкнул Перельман, в лоб тому уставился черный глазок пистолета.

Через пару минут появился милицкий наряд (всем приказали оставаться на местах) и у сторон проверили документы.

– Так, товарищи, к вам вопросов нет, – вернул их фронтовикам пожилой капитан, а всю эту братию, – приказал сержантам с автоматами, – в участок.

– И много такой швали в Москве? – проводил взглядом уводимых Дим.

– Хватает, – кивнул Сашка.

На следующий день, простившись с дядей, старшина убыл к месту лечения.

Из госпиталя он выписался осенью 42-го, и начальник пехотного училища, в котором служила мама, сделал предложение. Включить в число свежеиспеченных лейтенантов.

Дмитрий ответил по – флотски коротко.

– В пехоту не пойду!

– Останешься здесь, преподавателем – напирал начальник.

– Спасибо. Не надо.

И, получив направление, уехал в город Потти, в полуэкипаж Черноморского флота, где вновь прибывших моряков – согласно заявкам командования и с учетом специальности, отправляли на корабли и в береговые части.

Здесь же Дим случайно узнал, что весь офицерский выпуск училища, в которое его «сватали», погиб по дороге в Сталинград. Эшелон разбомбила немецкая авиация.

Глава 3. В парашютно-десантном батальоне

«... С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации...»

... По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боёв подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 203 самолёта противника...».

(Из оперативных сводок Совинформбюро от 5 июля 1943 года)

Крейсер «Молотов», на который был направлен старшина 1 статьи Вонлярский, вошел в состав флота в июне 41-го и был одним из новейших кораблей своего класса.

Спущенный со стапелей Николаевского завода два года назад, он имел мощное артиллерийское вооружение, высокую скорость плавания и хорошо отработанный экипаж, состоящий из 863 офицеров, старшин и матросов.

Хлебнувший под Москвой лиха, Дим попал почти в мирную обстановку. Служба на корабле напоминала учебный отряд, с утренней побудкой, боевой учебой и вахтами.

Корабли подобного ранга в открытое море выходили редко. Враг доминировал на воде и в воздухе. И командование флота их берегло, укрывая в порту Поти за двойным боновым заграждением.

Впрочем, когда поступал приказ, крейсер вытягивался на внешний рейд и, следуя вдоль побережья, поддерживал орудийным огнем, ведущие там бои, наши части.

Мощные залпы сотрясали корпус, от боевой работы кипела кровь, а потом следовала дробь «отбой», и все кончалось

«Молотов» возвращался в базу до очередного выхода.

От столь размеренной службы, командир рулевых сигнальщиков Вонлярский заскучал и стал украшать себя наколками. Первая, на морскую тематику, появилась еще в училище, а теперь мускулистый торс старшины украсился изображениями военно-морского флага, боевого корабля и якорей со штурвалом. Венцом же столь живописной композиции явился вольно парящий на спине Дима, ангел в бескозырке.

– Он будет приносить тебе удачу, – довольно оглядев свою работу, заявил, служащий по пятому году комендор и по совместительству корабельный художник, Сашка Талалаев.

И ангел не подвел.

Спустя неделю, просматривая флотскую газету, Вонлярский обнаружил в ней короткую заметку о наборе в специальное подразделение – парашютно-десантный батальон ВВС Черноморского флота.

По прошествии многих лет, один из его организаторов, адмирал Азаров признался: «Отбирая ребят в этот десантный батальон, мы знали, что все они смертники»

Но Диму об этом было неизвестно. Да и в противном случае, он бы все равно не отказался. Уж очень манили славные дела парашютистов.

Об одном таком старшина знал и восхищался смелостью участников.

Десантировавшись среди бела дня на фашистский аэродром под Майкопом, моряки из ПДБ перебили охрану с летчиками, сожгли все самолеты, пункт управления и узел связи, а заодно взорвали хранилища с горючим и боеприпасами.

Затем отошли в горы к партизанам, откуда были вывезены к месту постоянной дислокации, в селение Дзомби под Тбилиси.

Вот там Дим и решил продолжить войну, записавшись в добровольцы.

Но прибыл на место, как говорят «к шапочному разбору». Набор в спецподразделение был окончен.

Однако сдаваться старшина не собирался. Кто-то подсказал ему: «вон идет комбат, гвардии майор Орлов, поговори с ним.

Дим вырос перед офицером как из-под земли, – товарищ гвардии майор! Гвардии старшина 1 статьи Вонлярский! Разрешите обратиться!

– Обращайтесь, – сухо разрешил комбат. – Только покороче.

– Хочу служить в вашем подразделении. Но немного опоздал, – доложил Дим. – Может, все-таки возьмете?

Рослый, явно недожинной силы майор, хмуро оглядел старшину, – медицинская комиссия работу закончила. Ничем помочь не могу. Идите в штаб, там вам оформят документы туда, откуда прибыли.

– Я уже прыгал с парашютом и к тому же боксер-разрядник, – выдал свой последний козырь Дим. – Очень прошу, возьмите.

– Вот как? – приподнял бровь командир. – Уточните.

– Боксом занимался в Москве, в обществе «Динамо», а парашютным спортом в ЦПКО имени Горького.

Помимо ряда замечательных качеств, майор отличался чутьем на профпригодность и человеческую надежность тех, кто претендовал на службу в его специфическом хозяйстве. Обычно, двигаясь вдоль строя кандидатов, Орлов негромко командовал:

– Шаг вперед. И вы, пожалуйста. И вы...

Затем оборачивался к начальнику штаба капитану Десятникову.

– Этим оформите документы на возвращение в часть! Они прыгать не смогут.

Отвергнутые, как правило, начинали кипятичься:

– Товарищ майор! Вы же не видели меня в деле. Разрешите попробовать?

– Нет, ребята, сочувственно, но твердо возражал комбат. – Есть летчики – настоящие асы, в небе отлично воюют. А прыгать с парашютом не могут. Факт.

Сам гвардии майор был человеком действия и умел все, необходимое десантнику.

Вместе со своими орлятами он не раз высаживался в тыл врага, показывая пример отваги, умело руководил ими в бою и пользовался непререкаемым авторитетом.

Как-то во время тренировочных прыжков, у одного из краснофлотцев не раскрылся парашют, и его смерть потрясла товарищей. Чтобы пресечь траурные настроения, Орлов с парашютом погибшего снова поднялся на самолете в небо, где выполнил второй прыжок, с предельно малой высоты и филигранной точностью.

– Никогда не теряйте самообладание, – сказал подбежавшим бойцам, когда те окружили командира. – И действуйте строго по инструкции. Вопросы?

Вопросов не было...

К невесте откуда взявшемуся Вонлярскому, скупой на симпатии комбат, как говорят, сразу же «проникся». Он вообще жаловал морпехов, поскольку знал тем боевую цену.

– Насколько вижу, уже были на фронте? – кивнул на его нашивку за ранение и гвардейский знак.

– Точно так! – последовал ответ. – В составе батальона морской пехоты под Москвою.

– Тогда вот что, – смягчился Орлов. – Бегом на медкомиссию. Доложите, мол, я прислал. Пропустит – будем служить вместе.

Заряженного силой и энергией на троих, бравого старшину медики пропустили без оговорок.

А то, что комбат в нем не ошибся, Дим доказал в первый же день пребывания в десантном батальоне.

Вечером объявили: «Сегодня ночью будете прыгать с ТБ-3.

Этот тяжелый, постройки 30-х годов бомбардировщик, еще использовался в боях, а также при транспортировке грузов и высадке десантов.

Только потом Дим узнал, что начинающих подводили к прыжку не сразу.

Вначале тренировали на наземных тренажерах, далее следовали прыжки с вышки, а затем был облет на самолете, где инструктор с пилотом наблюдали за поведением курсантов в воздухе.

И только затем их допускали к настоящему прыжку. Причем, в первый раз, с «небесного тихохода» По-2, днем и в ясную погоду.

А тут сразу с такого самолета! И ночью!

Однако старшина тогда и подумать не мог, что к новичкам эта команда не относится. А еще сыграла роль возникшая неразбериха, что порой случалось в военной обстановке. Обычных взводов в батальоне не было, их заменяли группы, руководимые офицерами.

В одну такую и вклинился Дим, получив от инструктора парашют, который тот помог ему надеть, а заодно дал короткое наставление.

– Есть, понял, – ответил Дим, чувствуя неудобность амуниции, но виду не подал, выдавая себя за бывалого курсанта.

А чтобы лучше вникнуть в суть предстоящего, решил схитрить и при посадке в самолет встал в конец цепочки. Мол, погляжу, как будут действовать те, что впереди и поступлю таким же макаром.

Спустя десять минут, набрав нужную высоту и ровно гудя моторами, ТБ плыл в ночном небе.

Вскоре последовала команда «приготовиться!» (все встали), а потом Орлов рявкнул, – пошел! и вышло, что первым предстоит прыгать последнему.

Оказавшись перед открытым люком, Вонлярский чуть замешкался, что вызвало майорский гнев, вслед за чем с криком «полундра!» сиганул в черную бездну.

По счастью в тот раз прыгали с вытяжным фалом, который автоматически раскрыл купол и, придя в себя, старшина вспомнил все, что говорил ему перед прыжком инструктор.

Уцепившись скрещенными руками за стропы, развернулся по ходу снижения, и сгруппировался. А когда внизу стала неясно просматриваться земля, а скорость возросла, пружинисто согнул ноги в коленях.

Далее последовал изрядный удар, и Дим благополучно приземлился.

Ну а затем последовал «разбор полетов».

Узнав новичка, Орлов учинил показательный разнос командиру группы лейтенанту Кротову и на этом ограничился. Вонлярский не обманул его надежд и оказался сметливым и храбрым малым.

А Дим в это время, под одобрительные взгляды других курсантов, с волчьим аппетитом уплетал ударный паек. Такой полагался за каждый прыжок. Бутерброд с колбасой, шоколад и кружка какао.

Кроме прыжков с парашютом, вновь прибывших учили ориентированию на местности, стрельбе, подрывному делу и рукопашному бою.

Его навыки внедрял неприметный младший лейтенант по фамилии Пак, кореец по национальности.

Первая встреча с инструктором, для Вонлярского оказалась плачевной.

На второе утро, после кросса с полной выкладкой, «младшой» выстроил новичков и коротко рассказал об основах «джиу-джитсу».

Как следовало из услышанного, он относился к древнему виду японской борьбы, главным принципом которого было не идти на прямое противостояние, чтобы победить, а уступать натиску противника, направляя его действия в нужную сторону. А когда тот окажется в ловушке, обратить силу и действия врага против него самого.

– Однако, – протянул кто-то из шеренги. – Не по – русски, как то.

Между тем, лейтенант вызвал желающего, для демонстрации.

– Я! – шагнул вперед Дим, с сомнением глядя на Пака.

В том, что он уделает инструктора, сомнений у старшины не было.

– Нападай, – отошел тот назад и, согнув руки в локтях, чуть отвел их в стороны.

Дим прыгнул вперед, выдав серию сокрушительных хуков* (те попали в пустоту), а в следующий миг рухнул на спину от молниеносной подсечки.

– Еще, – одобрительно кивнул младший лейтенант, после чего Дим вскочил и попытался выполнить апперкот*, но противник гибко поднырнул под него и с криком «ха!» швырнул старшину через себя на землю.

Упрямый морпех вставал еще и еще, результат был аналогичный, а затем инструктор прекратил бой и спросил, где тот учился боксу.

– В московском «Динамо» – утер разбитую губу Дим, уважительно пялясь на офицера. Неплохо работаешь, – бесстрастно сказал Пак. – У меня после первого раза редко кто поднимался.

Спустя пару недель, пополнение лихо сигало с «По-2» с парашютами, уверенно дырявило мишени из ППШ и немецких «шмайсеров», могло читать карту и минировать объекты, а также неплохо освоило рукопашный бой.

Последний Диму нравился особо, и своего лучшего ученика, невозмутимый Пак, научил метать в цель штык-нож, саперную лопатку и финку ...

В тяжелых боях начался сорок третий год, были атаки, оборонительные бои и выбросы за линию фронта.

Морской ангел берег Дима – тот не был убит и отправил в мир иной еще нескольких фрицев, а в составе поисковой группы взял ценного языка, получив свою первую медаль «За отвагу».

А еще обзавелся трофеями – «парабеллумом» и эсэсовским кортиком.

Пистолет, слазав ночью на место недавнего боя к подбитому бронетранспортеру, он вместе с кобурой снял с убитого обер-лейтенанта, а кортик едва не прервал молодую жизнь старшины в одной из схваток.

Тогда атакующие фашисты, ворвались в траншеи моряков, и начался рукопашный бой, жестокий и молчаливый.

Расстреляв в упор диск, Дим сцепился с жилистым эсэсовцем с «вальтером» в руке, который у него на глазах застрелил ротного комсорга.

– Ах, ты мразь! – прохрипел он, и враги рухнули на дно траншеи. Немец оказался сверху (старшина едва успел выбить пистолет), а в следующий момент над ним блеснуло тонкое жало.

– Кранты, – промелькнула мысль, а потом в башку немца, сзади врубилась саперная лопатка.

– Живой?! – заорал кто-то знакомым голосом, и смертоубийство продолжилось.

Спустя час, в траншее положили всех фрицев, а раненых добились (эсэсовцы моряков в плен не брали и те отвечали взаимностью), а потом долго напивались дымом самокруток и молчали. Смерть к разговорам не располагает.

Кортик же, Дим оставил себе, очень уж он был по руке. С серебряной оплеткой на рукояти, острым золингеневским клинком и витиеватой гравировкой на нем «Blut und Ehre», что означало «Кровь и Честь». Девиз старшину вполне устраивал.

Потом, в многочисленных вылазках за линию фронта, Дим перережет им не одну арийскую глотку, а пока он подбрасывал трофей на ладони и радовался, что остался жив. Смертельный счет был в его пользу.

Все это время, в перерывах между боями, любящий сын, писал короткие письма маме.

В них он сообщал, что жив – здоров, бьет немцев, отмечен наградой и по утрам чистит зубы.

Мария Михайловна отвечала более обстоятельно, отмечая, что работы в госпитале прибавилось (шла битва на Курской Дуге и освободили Донбасс), но раненые пошли совсем другие. Бойцы с командирами горели желанием вернуться в строй и бить фашистов. А еще советовала беречь себя и не пить фронтовые сто грамм. Дабы не стать пьяницей.

– М-да, – читая ее письма, думал Дим. – Теперь пошла другая война. Ни как раньше.

Пришел «треугольник» и от Сашки Перельмана, с номером полевой почты.

Теперь, уже получив старшего лейтенанта, тот служил в штабе стрелкового полка на Западном фронте.

– Без руки воюет, черт, – поцокал языком старшина. – Это ж надо!

И еще в тот переломный год, Дим впервые влюбился.

После контузии он на месяц попал в госпиталь, где, оклемавшись, познакомился с медсестрой. Звали ее Наталкой, девушка впечатляла красотой и ответила старшине взаимностью.

На ее дежурствах Дим рассказывал Наталке о Москве, Чистых прудах и Арбате, а девушка ему о Полтаве, откуда была родом, тихой реке Ворскле и яблоневых садах. Затем были встречи наедине, поцелуи и объятия, но вскоре все кончилось.

Старшину выписали, сделав отметку в истории болезни «годен к строевой», он снова вернулся в часть, и между влюбленными завязалась переписка.

Через какое-то время она оборвалась, а когда ПДБ отвели на пополнение во второй эшелон, Дим, теперь уже замкомвзвода, с разрешения майора Орлова, рванул на армейских попутках в госпиталь.

На плече у него висел «сидор» с подарками для любимой: несколько плиток трофейного шоколада, сахар и парашютный шелк, выпрошенный старшиной у интенданта.

Наталки больше не было.

Во время одного из авианалетов ее убило бомбой, вместе с врачом и тремя ранеными.

У братской могилы госпитального кладбища, в неглубокой балке*, где похоронили всех пятерых, Дим сел на пожухлую траву, снял бескозырку и, зажав ее в руке, долго смотрел на прибитую к столбику фанерную табличку.

«Младший сержант Луговая Н.А. 1923-1943» значилось среди других фамилий.

А потом зарыдал, страшно, по-мужски, что с ним случилось на фронте впервые.

Утерев рукавом глаза, прошептал, – прощай Наталка и, напялив на голову бескозырку, широко пошагал в степь, где вдали пылила рокада,* и на далекий гул шли маршевые колонны.

Глава 4. Первый орден

«...В 1944 году, после блестяще проведенного Отдельной Приморской армией десанта и захвата плацдарма на Керченском полуострове, для координации действий сухопутных войск и флота туда прибыл Ворошилов. Он приказал самолично провести силами Азовской флотилии еще одну десантную операцию, которая закончилась полной неудачей. Но вина за нее была возложена Сталиным на генерала И. Е. Петрова, и потому его временно отстранили от командования армией, понизив в должности...» (Из книги Героя Советского Союза генерал-полковника В.В. Карпова «Полководец». Журнал «Новый мир». 183. № 12.

Следующим был десант на мыс Тархан. Отчаянный и кровавый.

Блокированная в Крыму 17-я германская армия генерала Енеке, основательно укрепилась на полуострове. Даже оставшиеся без горючего танки, немцы загнали в земляные капониры и укрытия, откуда, вместе с артиллерией, те огрызались как бешенные.

Так что наступавшим от Перекопа войскам Южного фронта, наносившим основной удар, предстояли жестокие бои. Не на жизнь, а на смерть.

Еще более тяжелая задача стояла перед Отдельной Приморской армией генерала Петрова, рвавшейся в Крым со стороны Таманского полуострова.

На ее пути располагалась разветвленная, хорошо оборудованная и глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений войск вермахта. Созданная по последнему слову инженерной мысли.

Помимо этого, армии приходилось разворачиваться на сравнительно небольшом участке побережья, составляющем всего несколько квадратных километров, оставшемся от последней, к сожалению неудачной наступательной операции.

Атака со столь мизерного, прижатого к морю и полностью простреливаемого фашистами пятачка, была, как говорится, «чревата».

Большими потерями и, ни дай Бог, срывом всей наступательной операции. Со всеми вытекающими последствиями.

Последнее, для командования действующих в этом районе соединений и лично прибывшего в Отдельную Приморскую представителя Ставки, маршала Ворошилова, было смерти подобным.

Ибо жертвы, даже самые большие, Сталин простить мог. «Важна победа, а не ее цена!» – вот принцип, по которому следовал Верховный. И генералы об этом хорошо знали.

Но знали они и другое. Горе тому, чье имя вождь свяжет провалом. Он будет стерт в пыль, невзирая на заслуги. Окончательно и бесповоротно.

А посему разработчики с высшим командованием сил на данном направлении, интуитивно подстраховались коллегиальностью.

Под прилагаемым к плану операции протоколом, стояли аж десять ответственных подписей командующих всех задействованных в операции родов войск. И, конечно же, автограф самого маршала.

И подписанты ограничились не только этим. А включили в план проведение отвлекающей операции, дающей реальный шанс для успешного развертывания основных сил.

Роль главной «палочки-выручалочки» отводилась двум десантным отрядам: основному – под командованием подполковника Главацкого и вспомогательному, который возглавил майор Алексеенко.

Именно последний вошел почти во все книжки и военные энциклопедии благодаря фото, на котором вызванный в штаб майор оказался запечатлен хоть и с краю, но все же в компании генералов и даже маршала.

Через много лет после окончания войны свидетельства очевидцев, а также рассекреченные документы, все вернули «на круги своя» и вывели из тени подлинных героев Тархана – подполковника Главацкого, ставшего Героем Советского Союза еще за оборону Севастополя и отчаянных ребят из парашютно-десантной роты, среди которых был и старшина Вонлярский.

Задачу, которую поставили в штабе десанникам Главацкого, в равной степени можно было назвать как судьбоносной, так и самоубийственной.

После скрытой под покровом ночи высадки с моря в районе мыса Тархан, участникам операции предстояло совершить ряд очень рискованных действий.

Вначале молниеносно выйти в тыл первого из имеющихся здесь, четырех рубежей немецкой обороны. Затем оседлать несколько господствующих над местностью высот. И, в завершение, вступив в затяжной бой, оттянуть на себя как можно больше вражеских сил.

По поводу того, что после этого останется от отряда, у подполковника иллюзий не имелось.

Однако действительность превзошла худшие ожидания.

Еще при погрузке, понимающе переглянувшись с флотскими ребятами, Дим невесело присвистнул. В море начинался шторм, а выделенные десанту низкобортные тендеры и мотоботы, на волну более двух баллов не тянули. Их валило с борта на борт и захлестывало. По хорошему, весь караван из двух десятков маломерных судов, следовало поворачивать к причалам.

Но для высшего командования и представителя Ставки, это значило срыв всей операции. Утвержденной самим Верховным.

Такую самоубийственную дерзость не мог себе позволить ни один военачальник.

Даже многолетний сподвижник вождя – Ворошилов. Уж кто-кто, а он доподлинно знал, что такое – яростный взгляд рысжих глаз разгневанного Кобы.

И поэтому, прибыв поздней ночью на командный пункт Приморской армии в село Юратов Кут, маршал, как и все прочие, предпочел проигнорировать несколько запоздалое предупреждение метеослужбы о четырех балльном шторме.

К тому же в штабном воздухе родилась другая, ласкающая начальственный слух идея: шторм и попутный ветер, будут способствовать десанту, быстрее достичь района высадки.

Пройдет совсем немного времени, и именно этот штормовой ветер, понизив температуру воды до нулевой отметки, поднимет четырех бальные волны, которые станут захлестывать утлые десантные посудины.

В результате, так и не вступив в бой, на дно отправятся штабы и целые подразделения.

Уцелеют только те немногие, как Вонлярский, ожесточенно и умело вступив в борьбу за живучесть своих ненадежных судов. Они тесно рассядутся вдоль бортов спиной к морю и, развернув плащ-палатки, перекроют собственными телами путь разгулявшимся волнам. А ту воду, которая все же попадет через этот живой фальшборт, будут откачивать всем, что окажется под рукой, включая сапоги, котелки и каски.

И уже совсем не так, как планировалось – скрытно, ночью – а при свете зарождающегося дня, чудом уцелевшие бойцы прямо на глазах у противника начнут бросаться в ледяной прибой волн и выбегать на открытый берег.

А немцы их уже ждали. О том любезно предупредила своя же артиллерия, которая ровно час назад, не внося коррективы в изменившуюся обстановку, формально отработала свое с позиций Отельной Приморской армии.

Теперь советский «Бог войны» бил по другим целям, перенеся огонь вглубь вражеских позиций.

Зато так и не подавленные до конца огневым налетом, четырнадцать немецких батарей, вместе с дюжиной врытых в землю танков, гвоздили по десанту изо всех стволов по заранее пристрелянным квадратам.

Если бы только это! С воздуха, завывая моторами, на десант обрушилась фашистская авиация.

Два десятка «юнкерсов», выстроившись над местом высадки в круг, стали безнаказанно бомбить и расстреливать моряков, не имевших средств противоздушной обороны. От вставших на пути лавины взрывов и огня дрожали земля и море.

Место высадки и склон высоты, на которой вместе с другими, огрызаясь короткими очередями из ППШ и «дьягтяревых»*, залегла штурмовая группа лейтенанта Кротова, которая хорошо просматривалась с командного пункта армии в Юратовом Куте.

И уже не по связи, а своими собственными глазами маршал Ворошилов лицезрел в бинокль топорную работу своей артиллерии и не мог понять, куда подевались «сталинские соколы».

Вот уже двадцать минут, как те должны были барражировать в воздухе, над рвущимся вперед десантом.

Наконец, после зубодробительного разноса начальника авиации, над плацдармом появились советские «ястребки» завязав бой с пилотами «люфтваффе».

Моряки тут же воспользовались моментом и, поднявшись в атаку, завершили смертельный бросок на высоту 164.5, как она значилась на командных картах.

С криками «полундра!», в дыму и пламени, забросав траншеи гранатами, они обрушились туда, и завертелась человеческая мясорубка.

Враги стреляли друг друга в упор, крушили прикладами и рубили саперными лопатками. Кругом стоял дикий рев, слышался хруст костей и вопли раненых.

«Черная смерть» оказалась сильнее и захватила всю первую линию обороны. С обустроенными блиндажами, капонирами и огневыми точками.

– Хорошо обосновались, гады, – прохрипел близкий друг Дима, Василий Перевозчиков, вытирая о штаны окровавленную финку, а тот отвалил в сторону рослого гренадера, перебросил с бруствера на другую сторону дымящий ствол МГ* и продернул в него змеистую ленту.

После гибели лейтенанта Кротова (того уже в траншее сразил шальной осколком), замкомвзвода принял на себя командование.

По его приказу десантники собрали трофейное оружие и боеприпасы, а заодно подкрепились трофейными консервами с галетами, запивая их шнапсом.

Далее последовала контратака – ее отбили, а затем моряки потеряли счет времени.

Более двух суток, без сна и отдыха, рдеющая группа отбивала накатывающие на высоту цепи и жгла бронетранспортеры с танками. Недостающие боеприпасы пополняли вражескими. Не было воды и пили соленую, азовскую.

От жажды, под непрерывным огнем и свинцовым градом, люди приходили в ярость и отчаяние.

На второй день этого ада, двое из бойцов не выдержали и побежали вниз, к кажущейся им спасением, кромке моря.

– Стой! Назад! – заорал Дим, а когда те не остановились, прошил беглецов короткой очередью.

Только когда навалившийся всей массой живой силы и техники противник, расчленил десант, в связи с чем возникла угроза окружения, подполковник Главацкий получил приказ командарма Отдельной Приморской на прорыв, в направлении введенного в бой 11-го корпуса.

К исходу 12 января, после отчаянной схватки, германские боевые порядки были прорваны и остатки десанта соединились с главными силами.

Вынужденно долгие бои за высоту 164.5 привели немцев к поражению. Безуспешно атакуя «черную смерть», они отвлекли на нее значительные силы с направления главного удара. А когда спохватились, было поздно. Сопротивление фашистской группировки было сломлено, и она начала отход с Керченского полуострова.

Таким образом, вопреки стихии и просчетам высшего командования, морской десант сделал невозможное, что не укладывалось ни в какие военные каноны.

За день до выхода к своим, когда группа из последних сил, еще отбивала на горячей высоте вражеские атаки, Дим и его друг Василий Перевозчиков, были представлены к званию Героя Советского Союза.

Однако вызванный на командный пункт Приморской армии, гвардии старшина Вонлярский, вместо звезды Героя, получил из рук представителя Ставки, маршала Ворошилова, орден Боевого Красного Знамени.

Что-то, в высших инстанциях не сложилось, такое бывало часто.

Тем не менее, вытянувшись во весь свой гренадерский рост, Дим четко произнес, «служу советскому Союзу!» и получил из начальственной руки красную коробочку с наградой.

При ближайшем рассмотрении, маршал оказался не таким, как на плакатах. Пожилой усталый человек, с глубокими морщинами на лице и набрякшими мешками под глазами.

А вечером, сидя в землянке, с чадающей на столе артиллерийской гильзой от сорокапятки, Дим с Василием и еще с несколькими ребятами из взвода (тех тоже наградили), «обмывали» добытые кровью ордена.

В емкий солдатский котелок, до краев наполненный водкой, ее почему-то выдали на весь списочный состав, опустили все награды, а потом пустили его по кругу.

– Да, а вкус совсем другой, – сделав последний глоток, извлек свою «Красную Звезду» пожилой десантник.

– Одно слово, орденская, – добавил кто-то, и все принялись закусывать.

Затем помянули погибших друзей и провалились в сон. Диму снилась Наталка, гуляющая с ним в цветущем яблоневом саду, над которым высоко в небе летели «юнкеры».

Как выяснилось впоследствии, Верховный был недоволен организацией операции, и распоряжение о награждении отличившихся по пониженному разряду, исходило лично от него.

Эту новость Дим воспринял философски. Что солдату высота – маршалу кочка.

А звезда? Что – звезда. Ну, пролетела мимо груди. Дай бог, чтобы так вражеская пуля пролетела.

Глава 5. Фронтовые будни

«...1944 год начался на Восточном фронте упорными атаками русских в середине января. Вначале русские были отброшены от Кировограда. 24 и 26 января они начали брать в клещи наши выступавшие дугой позиции западнее Черкасс, 30 января последовал удар по нашему выступу восточнее Кировограда. Оба наступления имели успех.

Группе армий "Центр" в основном удалось удержать свой фронт до конца марта.

В апреле на юге был потерян почти весь Крым (кроме Севастополя). Были форсированы Южный Буг, а также реки Прут и Серет в верхнем течении. Черновицы перешли в руки противника. Затем, после неудавшегося крупного наступлений русских в этом районе и после потери Севастополя, наступило затишье до августа...

(Из мемуаров начальника Генштаба сухопутных сил Вермахата генерала Гудериана)

После боев за Тархан и награждения, узрев в Диме боевого командира, начальство предложило ему отбыть на ускоренные курсы пехотных офицеров.

– Нет, – последовал ответ. – Останусь жив, закончу военно-морское училище.

– Тогда как насчет того, чтобы ходить за линию фронта?

– А вот это по мне, – тут же согласился старшина. Он любил риск и свободу в принятии решений.

Далее последовал приказ, и Вонлярского перевели помкомвзводом, в разведроту 83-й бригады морской пехоты.

Там он познакомился и сдружился с – Петей Морозовым и Жорой Дорофеевым.

Лихой краснофлотец из Одессы Морозов, в свои неполные восемнадцать лет оборонял родной город и сражался в осажденном Севастополе. А после, в составе десантного отряда Цезаря Кунникова, отличился при высадке в Новороссийске.

Донской казак Дорофеев, при почти двухметровом росте и весом в центнер, отличался богатырской силой и до войны служил комендором на крейсере «Червона Украина». Том самом, который в мирные дни удостоился посещением сам «отец народов»*. Но трагическая судьба корабля, затонувшего осенью 41-го, заставила Жору спешиться. Он принимал участие в – Эльтингентском десанте, а чуть позже штурмовал гору Митридад в Керчи. Любимым развлечением казака, было зажать в кулаке «лимонку»* и спросить у кого-нибудь «угадай, што в нем такое?»

Вся троица как нельзя лучше подходила друг другу, и их вместе стали посылать в тыл противника.

Первый поиск оказался неудачным.

Благополучно миновав нейтралку в мертвенном свете изредка хлопающих в небе осветительных ракет, Вонлярский с друзьями оказались перед немецкими траншеями и поползли вдоль них, отыскивая добычу.

Вскоре на некотором удалении от них, разведчики услышали тихий разговор, а когда подобрались ближе, обнаружили окоп боевого охранения. Судя по всему, там подкреплялись (доносило запах чего-то вкусного, и периодически звякала ложка).

– Берем – тихо прошипел Дим, вслед за чем потянул из голенища сапога кортик.

В следующее мгновение они скользнули вниз, и Жора кулаком вбил каску в плечи, наклонившемуся над котелком фашисту, старшина заколол второго, а Дорофеев подмял под себя и саданул ребром ладони по горлу третьему.

Потом они вбили тому в рот заранее приготовленную портянку, связали и, захлестнув на ногах петлю шкерта*, огляделись.

Кругом все было без изменений.

Немецкие окопы насторожено молчали, с неба стал моросить дождь, где-то пиликала гармошка.

Обыскав пленного фельдфебеля и убитых, разведчики забрали у них «зольдбухи»* и другое, вслед за чем, перевалив языка через бруствер, потащили его в сторону своих позиций.

– Тяжелый, хряк, – сопел ползущий впереди, с зажатым в кулаке шкертом, Жора.

Когда миновал нейтралку, сладковато пахнущую трупами и горелым железом, поисковая группа приблизилась к своим окопам, далеко позади раздались крики «алярм!», в небо унеслась серия ракет и со стороны немцев заработали сразу несколько пулеметов.

Огненные трассы рубили воздух вокруг, а потом в дело вступили минометы.

Сбросив в попавшуюся воронку языка, группа ввалилась следом и, переждав огневой налет, поползла дальше.

Когда до своей траншеи остались считанные метры, раздалось тревожное «стой! стрелять буду! одновременно с чем лязгнул винтовочный затвор, загоня патрон в патронник.

– Свои, братишки, принимай немца, – громко прошептал Дим, и им навстречу метнулись две тени.

В следующий момент со стороны немцев с шуршанием прилетела мина, неподалеку всплеснул ослепительный взрыв, и все кубарем скатились в траншею.

– Ну что, все живы? – блеснул зубами из-под каски один из встречавших.

– Да вроде все, – ответил Дим, вытирая мокрое лицо рукавом маскхалата.

– Хрен там, – харкнул в сторону Дорофеев. – Вон, смотрите.

У лежавшего под ногами фельдфебеля, осколком снесло пол черепа.

– Как же вы не уберегли языка? – просмотрев взятые у немцев документы, тяжело устался на стоящих перед ним в штабной землянке разведчиков, командир роты Николай Терещенко.

– Начальству считай, докладывать нечего.

– Виноваты, – саркастически ответил Дим. – Не успели подставить свои головы. Кстати, там, – кивнул на бумаги, – значит, что все эти фрицы, из гренадерской дивизии, пару недель назад, там была обычная пехотная. А в стрелковой карточке, обнаруженной у фельдфебеля, значатся практически все наши огневые точки. Не иначе, что-то готовится.

– Вполне возможно, – буркнул капитан, встав и сунув все, что было на столе в полевую сумку. – Пока отдыхайте я в штаб бригады.

Спустя сутки, в поиск была отправлена вторая группа, но практически вся погибла, напорвшись на мины.

А комбриг требовал нового «языка» и непременно офицера. Появление у немцев новой дивизии весьма обеспокоило штаб армии.

– Этой ночью пойдете опять, – вызвал к себе Терещенко группу Вонлярского. «Язык» нужен как воздух. Понятно?

– Понятно – ответил Дим, а Морозов с Дорофеевым восприняли все как должное.

– Тогда садитесь, обсудим план. И капитан развернул карту.

На ней значились немецкие позиции и минные поля, в том числе то, на котором подорвалась разведка.

– Пойдете по нему, – ткнул карандашом в лиловый обвод комроты. Впереди будут саперы, разминируют проход и вернутся.

– А чего? Умная мысль, – переглянулся Вонлярский с напарниками. Второй раз фрицы нас там не ждут, и можно их здорово прищучить.

Далее были разработаны детали, после чего разведчики ушли готовиться к заданию.

Ночь, как по заказу, выдалась безлунная, небо затянули облака, сквозь которые изредка мигали звезды.

Минное поле преодолели за два часа, саперы сняли дюжину «шпрингминен». Штука хитрая и опасная. При давлении на нее подпрыгивает вверх, потом взрыв и осколки поражают все живое.

– Ну, братцы, ни пуха, ни пера, – шепнул в ухо Диму старший – пожилой дядя.

– К черту, – подмигнул ему тот, и, зажав кортик в зубах, полез вперед. За ним Жора с Петей.

Сплошной линии обороны за минным полем не оказалось, вместо нее, смутно виднелась приземистая махина дота*.

Из торчащей наверху трубы, изредка вылетали искры.

Потом из- за ребристого выступа возник часовой, с висящим на груди шмайсером, кепи с длинным козырьком и поднятым воротником шинели.

– Мой, –дохнул в щеку Жоре старшина, и все стали расползаться по сторонам, приближаясь к укреплению.

Когда, часовой двинулся на очередной круг и, что-то насвистывая, исчез за дотом, Дим вскочил, по – кошачьи метнулся вперед и прижался спиной к шершавому бетону.

Через несколько минут свист приблизился, а потом раздался хрип и бульканье немецкого горла.

В это время Петька с Жорой уже были позади дота, в примыкающем к нему окопе и заняли позицию по сторонам бронированной двери.

– Ждем, – прошипел Дим, те согласно кивнули.

Минут через пятнадцать та ржаво заскрипела, и в пятне яркого света на пороге возник сонный человек в накинутах на плечи шинели с серебристыми погонами

Секунду он постоял, привыкая к мраку, а потом шагнул вперед, прикрыв дверь и зевая.

– Бац! – опустился кулак Жоры на его загривок, и офицер, хрюкнув, рухнул в объятия Петра, который вбил ему в рот кляп и быстро связал руки.

– Ходу, – покосился на дверь Дим, после чего они с Жорой втащили немца наверх, а Петька прошептал, – я шас и, сняв с пояса противотанковую гранату, полез на крышу дота.

Когда Вонлярский с Дорофеевым, волоча пленного, углубились в проход метров на тридцать, сзади приглушенно ухнул взрыв, а потом сзади раздалось сопение.

– Кранты, гадам, – возникнув из мглы, хищно оскалился Морозов, и они двинулись быстрее.

Тучи в небе разошлись, на землю пал туман, дело близилось к рассвету.

– Ну вот, умеете, когда хотите, – значительно изрек комроты, стоя перед трясущимся офицером, и раскачиваясь с пятки на носок. – Целого гауптмана притащили.

– Фриц сам полз, – растянул в улыбке губы Петька. – Я его того, финкой в жопу подкалывал.

Ценного языка тут же доставили к комбригу, а оттуда, ввиду значимости полученной информации, в штаб армии, за что всех участников поиска наградили орденами «Красной звезды», которые те пришили к парадным форменкам.

Впрочем, на фронте, моряки их не носили. Как правило, это были солдатские, с расстегнутыми воротами гимнастерки, а под ними синел неперемный атрибут – тельняшка.

Говорят, количество неизменно переходит в качество, что правда. Вскоре неразлучная тройка стала ассами своего дела, и группе стали давать еще более ответственные задания. Глубинную разведку и диверсии

Однажды, устроив засаду на дороге, они захватили штабной автомобиль с четырьмя румынскими офицерами, потом рванули немецкий склад с боеприпасами, были и другие, не менее интересные мероприятия.

Как известно, слава порой кружит голову. Так случилось и с группой Вонлярского

В одном из поисков, безрезультатно полазав трое суток по фашистским тылам, злые и оголодавшие разведчики, возвращались в бригаду не солоно хлебавши.

Непруха* пошла с самого начала.

Первой ночью они нарвались на вражеский «секрет» и едва унесли ноги, а под утро второй вляпались в болото, где на виду у немцев просидели весь день в камышах, под кваканье лягушек и комариный зуд, кляня все на свете.

Теперь, выйдя на соседнем участке к своим, разведчики гуськом топали по дороге и угрюмо молчали. По ней изредка проезжали грузовики, высоко в небе в беззвучных облачках разрывов, плыла немецкая «рама»*

– Вот придем, а Никола скажет, «брешете, не иначе припухали на хуторах, пили самогонку» – глядя на нее, нарушил молчание Жора.

«Николой» разведчики звали меж собой ротного и уважали.

Тот не прятался за спины подчиненных, сам ходил в поиски, не робел перед начальством.

– С него станется, – пробурчал Петро, а Дим лихорадочно искал решение.

И оно явилось. В лице группы пленных немцев, сопровождаемых двумя нашими пехотинцами.

– Разведка, закурьте е? – понимающе окинув взглядом пятнистые маскхалаты, – спросил старший, пожилой ефрейтор в выцветшей гимнастерке и с двумя нашивками за ранение.

– Держи отец, – пробасил Жора, протягивая ему открытую пачку.

– Усим хальт! – обернулся ефрейтор к понуро шагавшим фрицам и, потянув оттуда сигарету, сунул ее под прокуренные усы. Жора щелкнул зажигалкой.

– Гарно живэтэ хлопци, – с наслаждением затянулся автоматчик.

– По разному бывает, – вступил в разговор Дим, после чего кивнул на немцев, – откуда эти вояки?

– Это, браток так сказать, ишаки, – поправив на плече карабин, сказал второй пехотинец. Небрить и в плащ палатке. – У нас в части всех ишаков побило, ну мы и используем этих. Как тягловую силу. Таскают на позиции воду, шамовку* и боеприпасы.

– Разведчики переглянулись (у них возникла единая мысль), которую Дим тут же воплотил в реальность.

– Слышь, батя – наклонился он к старшему. – Дай нам на время вон того, мордастого, – и ткнул пальцем в рыжеволосого крепыша, с нарукавным шевроном роттенфюрера СС на рукаве мундира.

– Та бери сынок, – махнул рукой тот. – Мы соби ще достанэмо.

– Ком цу мир*, – поманил к себе рыжего Петро. И расплылся в улыбке, – мы тебя долго искали.

Когда добычу представили по назначению, комбриг Мурашев с начштаба Власовым, несказанно обрадовались.

Вызвали начальника наградного отдела и посулили героям по второй «звездочке».

– Служим Советскому Союзу! – бодро рявкнули моряки, а Жора обнаглел и попросил выдать им спирту для растирки. Мол, очень уж продрогли в болоте.

Но спустя несколько дней, обман раскрылся. Потому как комбриг сделал то, на что друзья не рассчитывали. Отправил «ценного языка» через пролив, прямо в штаб фронта. А там опытным в допросах спецам, немец рассказал, что обретается в плену уже вторую неделю.

На горизонте замаячил трибунал. Но Мурашев превыше всего ценил смелость (чего у ребят хватало с излишком) и молодые судьбы ломать не стал.

– Вам светит лет по пять или штрафбат, – сказал понуро стоящей перед ним тройке, расхаживая по блиндажу и скрипя хромовыми сапогами

– Но есть выход, – остановился. – Притащите мне следующей ночью офицера, и я все забуду. Вопросы?

– Спасибо, товарищ полковник, – ответил за всех Дим, – обязательно притащим. А то, что случилось, больше не повторится.

– Повторится – расстреляю, – жестко сказал комбриг, обведя всех глазами – Идите.

Языка, немецкого майора, группа доставила в штаб на рассвете, и служба покатила дальше. По накатанной. Бои, атаки, глубинная разведка.

Как-то раз, вернувшись с поиска, ребята нежились на весеннем солнце близ землянки и рассуждали о войне. Когда она кончится.

– Думаю скоро, – глядя на плывущие сверху облака, сказал Жора. Немец не тот пошел, чувствую, выдыхается.

– Ага, не тот, – смазывая трофейный «вальтер», цикнул в сторону слюной Петька. – Вот помню, когда освобождали Новороссийск, в сорок третьем

Рубились мы с ними тогда страшно: шмаляли* друг в друга в упор, ломали кости и грызли зубами горло. А когда гадов выбили из города в порт и стали там кончать, наблюдали занимательную картину.

На уходящую в море эстакаду, вылетел мотоцикл с коляской и тремя сидящими на нем немцами. Двое палят во все стороны и вопят «Хох!». А затем полет вверх и на полном ходу бац в залив, только брызги полетели.

– Красиво, – мечтательно протянул, жевавший травинку Дим. – А что дальше?

– Два всплыли, мы их перестреляли, – щелкнул в рукоятку обойму Петр. – Для полного коленкора.

– М-да, – философски изрек Жора, – те фрицы не эти.

Спустя пару недель, с разведчиками случилась трагикомическая история, несколько поколебавшая их уверенность.

В очередном поиске они вырезали фашистский «секрет», а старшего, приземистого крепыша, оглушив по кумполу гранатой, прихватили с собой, как законную добычу.

Бесчувственного ефрейтора связывать не стали, а подтащив к песчаному обрыву, столкнули вниз, чтобы поменьше тащить, экономя силы.

Когда же Дим съехал на задку вслед за ним (ребята чуть замешкались, обыскивая убитых), пленник оклемался и заскакал по берегу в сторону своих. Старшина в полной темноте бросился за ним и нарвался на неприятность.

Фриц резко тормознул, пригнулся и Дим перелетел через него, здорово стукнувшись башкой о камень. В следующую секунду крепыш саданул его под дых, взвалил на плечо и, сопя, порысил дальше.

Спас положение Жора. Учувя неладное, он рванул по кромке обрыва на звук, сиганул вниз, и все трое сцепились в рычащий клубок. Потом в воздухе мелькнул богатырский кулак, фашист обмяк и выпустил из рук горло Дима.

– Жилистый гад, – сказал Петька, когда спустя час, потные и вываленные в песке, они отдыхали, затаившись в неглубоком, ранее примеченном в береговых скалах, известняковом гроте.

– Не то слово, – щупая на голове здоровенную шишку, скривился Дим. – Чуть не задавил меня, падла.

Где-то рядом тихо шипел прибой, у горизонта светлело небо.

Когда пленного доставили в бригаду, у него в бумажнике обнаружили несколько золотых коронок и фотографии.

На одной, в майке с орлом, вояка толкал штангу в спортивном зале, а на других позировал у виселицы с мертвыми стариком и девушкой, на груди которых были таблички с надписью «Партизаны».

В штабе пленный вел себя вызывающе, на все вопросы шипел «нихт ферштейн», а потом вообще замолчал, за что получил от начальника разведки по физиономии.

– Не горячись, майор, через час будет шелковый, – снял трубку начштаба и позвонил в бригадный «СМЕРШ»*. Там здорово умели работать с несознательными.

Глава 6. Легендарный Севастополь

...(Белан) Билан Степан Павлович, 1921 г. р. Сумская область, Смеловский район, с. Протасовка. Призван Смеловским РВК. Краснофлотец. Погиб на Итальянском кладбище 21-27.01.1942 г. Похоронен под Севастополем, [Братская могила Воинов Приморской Армии, 15 км. Ялтинского шоссе.](#)

(Белапов) Беланов Фат..., 1920 г. р. Башкирская АССР, Бураевский район, д. Дышаково. Призван Бураевским РВК. Старший сержант. Убит 28.04.1944 г. Похоронен под Севастополем, в с. [Орловка \(Мамашай\), Братское кладбище Воинов 54 Стрелкового Корпуса 2 Гвардейской Армии.](#)

(Белевнев) Белевцев Семен Федорович, 1904 г. р. Призван Буденновским РВК. Краснофлотец, строевой. Пропал без вести в боях при обороне Севастополя в июле 1942 г.

(Белевский) Билевский Митрофан Гордеевич, 1900 г. р. Харьковская область, Красноградский район, с. Хрестище. Призван Красноградским РВК. Краснофлотец. Пропал без вести в декабре 1941 г.

(Белевцов) Белевцев Игнат Ильич, Старший сержант. Погиб 4.05.1944 г. Похоронен под Севастополем в с. [Черноречье \(Чоргунь\), Братское кладбище Воинов ВОВ.](#)

(Беленченко) Беленченко Петр Романович, Красноармеец, строевой. Погиб в 1944 г. Похоронен под Севастополем, в с. [Терновка \(Шули\), Братская могила Воинов ВОВ...](#)

(Из Книги Памяти Севастополя. Фамилий в Книге 103594)

Довольно скалясь и пуская матерки, Дим, Петька с Жорой и еще несколько моряков, мылись в бане.

Собственно это был небольшой сарай, в который ребята из хоззвода установили немецкую чугунную печку, вывели наружу трубу и натаскали пару бочек воды, плюс десяток жестяных шашек.

– Хорошо, братва! – натираясь мочалкой, – блестел фиксой Сашка Кацнельсон, известный в роте бузотер и любитель выпить.

– Щас бы квасу покислей, да мохнатку потесней! – ополоснув голову в шайке, изрек ротный балагур Коля Алексашкин.

– Га-га-га! – тряхнуло сарай, и кто-то плюхнулся на мыльный настил, вызвав новый взрыв смеха.

Баня являлась на фронте праздником. Можно было смыть с себя многодневную грязь, выстирать обмундирование и немного расслабиться душой и телом.

По прошествии часа, распаренные и умиротворенные, моряки сидели на зеленой травке, покуривали и слушали очередной анекдот Кацнельсона.

– Навещает, значит, Гитлер сумасшедший дом, – блестя маслинами глаз, – сделал зверскую рожу Сашка. – Все пациенты выстраиваются в шеренгу, поднимают правую клешню и вопят "Хайль Гитлер!".

Тот проходит вдоль шеренги, и в конце видит одного с опущенной.

«Ты почему меня не приветствуешь скотина?!» А тот в ответ. «Так я же не псих, я санитар, мой фюрер!»

Ну, ты даешь, Кац! – ржали от удовольствия друзья. – А ну, давай травани еще, нам нравится.

– Нима вопросов, – картинно развел руками Сашка и выдал следующий.

«Гитлер с Герингом стоят на верхней площадке берлинской радиобашни. Гитлер кажет: Хочу как-то приободрить берлинцев. А ты возьми и сагани вниз, – предлагает Геринг».

– Ай да Кац! – утер выступившие на глазах слезы Коля Левин. – Могешь, однако!

– Не можешь, а мОгешь! – многозначительно поднял тот вверх палец.

Между тем, веселились не все. Жора Дорофеев был задумчив и серьезен.

– Че, опять пойдешь? – толкнул приятеля в плечо Морозов.

– Пойду, – вздохнул тот. – Очень уж она мне по сердцу.

«Она» – лейтенант Евдокия Повалий, была известная на всю Приморскую армию своей храбростью и неординарной биографией.

В 1941-м, приписав себе год, девушка добровольцем ушла на фронт, где сначала была санитаркой, а затем, назвавшись мужчиной, стрелком, и командиром отделения. То, что парень – девица, выяснилось только спустя восемь месяцев в госпитале, куда Дуся попала после боя, уже будучи младшим лейтенантом, орденосцем и командиром взвода 83-й бригады морской пехоты.

Там, залечивавший рану Дорофеев, познакомился с ней и проникся глубоким чувством.

Нередко после возвращения с заданий, он навещал лейтенантшу (оба были с Украины), пил вместе с ней в землянке чай и угощал трофейным шоколадом.

Дальше этого дело не шло. При всей своей богатырской стати и настырности, Жора был весьма нерешителен в отношениях с прекрасным полом.

Повалий тоже считала его только другом, и поводов для лишних разговоров не давала.

Хотя как-то один попытался. Старший писарь из штаба.

Узнав об этом, Дорофеев навестил начальника, попросил того выйти, а когда они оказались наедине, сгреб за ворот гимнастерки, и сапоги писаря заболтались в воздухе.

– Много болтаешь, корешок – прошипел Жора. – Еще раз чего вякнешь про Дусю, оторву башку и скажу, что так и было...

Когда шлепнув на затылок бескозырку, Дорофеев встал и монолитно зашагал в сторону видневшихся чуть справа землянок стрелковой роты, кто-то из ребят притащил аккордеон, и вслед ему грянула песня

Ты моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет,
Полюби меня моряк душою,
Что ты скажешь мне в ответ!

дружно выводили молодые голоса, и она будоражила души.

А старшина Вонлярский смотрел на удаляющуюся спину друга и вспоминал Наталку.

С которой ему никогда не гулять по яблоневоу саду.

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там,
По морям-морям-морям-морям,
Смерть гуляет по волнам!

лихо выдали очередной куплет ребята, и кто-то по – разбойничьи свистнул.

...Когда зазеленела степь, а на опускающемся к морю косогоре буйно зацвели дикие абрикосы, офицер связи из штаба армии, доставил в бригаду приказ о наступлении.

Предстояло освободить Севастополь.

Всю прошедшую зиму войска 4-го Украинского фронта в районе [Сиваша](#) и [Перекопа](#), а Отдельная Приморская армия в районе [Керчи](#) готовились к прорыву сильно укрепленной обороны противника.

[Черноморский флот](#) должен был блокировать Крым с моря и нарушить морские сообщения противника с портами Румынии и Болгарии. Координация действий сухопутных и военно-морских сил была поручена представителю ставки Верховного Главнокомандования Маршалу Советского Союза Василевскому.

[Крымский полуостров](#) был очень важен для фашистской Германии с военной и политической точек зрения: он сковывал значительные силы Советской Армии и Черноморского флота. Потеря [Крыма](#) означала резкое падение престижа Рейха в союзной ей Румынии, а также других странах Юго-Восточной Европы и Турции – поставщиках стратегического сырья и людских ресурсов

Немцы построили под Севастополем мощную эшелонированную систему оборонительных сооружений, используя для этого выгодные условия гористой местности и оборонительные сооружения советских войск, оставленные при отступлении.

Линия обороны начиналась от реки Бельбек и заканчивалась под Балаклавой.

В городе враг имел более 72 тысяч солдат и офицеров, 1830 орудий и минометов, около 50 танков и более 100 самолётов. Только в апреле немцы перебросили из портов Румынии порядка 6000 человек живой силы.

Не веривший в возможность удержания Севастополя командующий 17-й армией генерал Енеке был заменен генерал-полковником Альмендингером. В своём обращении к войскам стратег писал:

«Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не произносится с большим благоговением, чем Севастополь... никому из нас не должна даже в голову прийти мысль об отходе на позиции, расположенные в глубине... Честь армии зависит от каждого метра порученной территории»...

Накануне наступления, выстроив личный состав при развернутом знамени, новый комбриг, полковник Смирнов, коротко озвучил приказ и поставив боевую задачу.

Далее выступил начальник политотдела и рассказал то, чего моряки не знали.

Оказывается в 42-м, после захвата немцами главной базы Черноморского флота, часть краснофлотцев осталась в городе и продолжала сражаться в казематах 35-й береговой батареи. Одной из самых мощных на побережье.

Бои длились целую неделю, и только когда противник высадил с моря десант, применив удушающие газы, сопротивление защитников было сломлено.

– Гады, – шептали многие в строю, а выступавший завершил речь словами «Никакой пощады врагу! Смерть фашистским оккупантам!

Сражение за город русской морской славы запомнилась Диму и его друзьям исключительным ожесточением обеих сторон.

От начавшей утренний бой роты, к закату дня осталось менее трех десятков.

Когда же на землю опустилась ночь, командование стало бросать в бой все, что было под рукою.

Например, при штурме Сапун-горы, где немцы поставили сплошной огневой заслон, моряки-разведчики вели за собой штрафников, штабных писарей, ординарцев и даже поваров с ездowymi.

Укрепив увесистый ручной пулемет Дегтярева на ремне через плечо и стреляя с рук, старшина настырно лез вверх по склону, расчищая путь товарищам.

Но когда, забросав траншеи гранатами, морпехи ворвались в них, «ручник» с Димом в узких лабиринтах заклинило. А тут еще навалились сразу три фрица.

Плохо бы ему пришлось, не окажись рядом Жора.

Двоим он молниеносно вбил головы с касками в плечи пудовым кулачищем, а третьего Дим в упор застрелил из парабеллума.

Гора была подобна извергающемуся Везувию, а то, что творилось вокруг, напоминало последний день Помпеи.

С той лишь разницей, что никто никуда не бежал, «вермахт» и СС дрались отчаянно. В окопах шла рукопашная, не на жизнь, а на смерть.

Непрерывно гвоздила наша и гитлеровская артиллерия, рвались мины и гранаты, во все стороны неслись огненные трассы.

Почти непрерывный 48 – часовой бой завершился на самой оконечности севастопольской земли – мысе Херсонес.

Внизу, под крутым обрывом, немцы подрывали свою технику и добивали обозных лошадей, а сами – кто на чем, но чаще вообще без всяких плавсредств, стремились уйти в открытое море.

Благо там, на внешнем рейде, дымили поджидавшие их транспорты с эскортом сопровождения.

Поджидавшие, как оказалось, совсем напрасно.

Вынесшиеся на высоту, закопченные «тридцатьчетверки» с ходу открыли по скоплению врага губительный огонь, а десятки выкаченные расчетами на руках в полосу приборя орудий, разносили в клочья и отправляли на дно, болтающихся на волнах «сверхчеловеков».

Не повезло и транспортам с кораблями сопровождения. Их накрыла бомбовыми разрывами морская авиация.

А чуть вправо, на узком обрывающемся в море перешейке, лишали себя жизни пьяные эсэсовские офицеры. Разогнавших на штабных «майбах» и «хорьхах», с громкими криками «Хайль Гитлер!» они целыми командами рушились вниз, в черноморскую пучину.

– Чудеса, да и только, кореша! – всаживая длинные очереди из захваченного «МГ», в бегающих внизу фашистов, на секунду оторвался от него Жора. – Фрицы сами себя кончают!

– Да, Петро, точно ты рассказывал про Новороссийск! – обернулся к выцеливавшему очередного офицера Дорофееву старшина, вщелкнув в свой «дьягтарь» последний диск с патронами.

Однако так поступали далеко не все. Несколько дней и ночей после коренного перелома сражения, герои вермахта с их румынскими союзникам, сдавались целыми подразделениями.

«Них шисен! – жалобно хрипели одни, другие молча швыряли оружие наземь и, пряча глаза, поднимали вверх руки.

– Куда девать пленных, товарищ капитан? – согнав захваченных на своем участке в ближайший эскарп*, спрашивали у ротного валяющиеся с ног разведчики.

– В расход, – обвел морпехов Терещенко налитыми кровью глазами. – У нас нет людей их конвоировать.

– Ни хрена себе, – переглянулись те от столь необычного приказа.

Одно дело убить врага в бою, как они делали не раз и совсем другое расстрелять безоружных.

– Ну, кто возьмется? – видя замешательство моряков, буркнул ротный.

Напряжение снял Дим.

– Я, Николай, – сказал он (без начальства все обращались друг к другу по именам) и, передернув затвор ППШ, направился к эскарпу.

– Форверст! – подойдя к пленным, среди которых были несколько раненых, ткнул стволом по направлению чадящего дымом города, и те понуро двинулись к выходу

Когда спустя минут пять, немцы с румынами (их было человек двадцать), спустились в сопровождении старшины вниз, к усеянной воронками дороге, по ней несколько красноармейцев в пропотевших гимнастерках, гнали разношерстную колонну захваченных фашистов.

– Шнеллер плен! – кивнул он в ту сторону и его подопечные несколько оживились.

– Бегом! – рывкнул Дим, дав в небо пару очередей из автомата.

– Принимай славяне, – сказал он бойцам, когда доставленные пополнили колонну, после чего устало поплелся назад, к своим ребятам.

Разведчики встретили старшину молчанием, а капитан вскинув бровь, выжидательно уставился на Дима

– Я их передал внизу армейскому конвою, – сказал тот. – Пусть живут, бродяги.

– А почему стрелял?

– Что-то вроде салюта. И на добрую память.

Пару минут Терещенко молчал, а затем протянул к дымящему рядом самокруткой Кацнельсону руку – «дай» и глубоко затянулся.

– Хорошая махра, – выдул вверх, струйку дыма, – моршанская* – А с приказом я того, погорячился.

...Утром Дим проснулся от тишины. Такой, которой давно не слышал. И еще увидел в синем куполе неба парящую над морем, чайку.

Он поднялся с расстеленного на земле брезента, (все ребята еще спали, укрывшись кто-чем) и, прихватив автомат, вышел из эскарпа.

На его откосе клевал носом часовой, проходя мимо старшина хлопнул того по плечу – «не спи, замерзнешь!», вслед за чем, оскальзываясь на щебенке и камнях, неторопливо спустился к заливу.

Весь берег, с последними хлопьями тумана, был завален трупами немцев и румын, их брошенной и сожженной техникой, убитыми лошадьми, разломанными повозками и прочим военным скарбом.

Тихо шипящий, с розовой пеной прибой, качал на легкой зыби тела утопленников.

– Намолотили мы вас, – сплюнул на песок горькую слюну Дим, после чего сняв ватник с гимнастеркой и тельняшку, забрел по колено в море.

– Там он до пояса умылся холодной морской водой, а потом вернулся назад, сел на патронный ящик и, стянув с ног яловые сапоги, перемотал портянки.

– Порядок, – потопал подошвами по песку, – будем жить дальше.

Вернувшись назад, Дим оглядел все еще дрыхнувших ребят и что-то бормотавшего во сне ротного, и обернулся на послышавшийся за спиной шорох.

В проеме земляного укрепления, поочередно возникли Алексей Левин, а за ним довольно улыбающийся Кацнельсон, с туго набитыми вещмешками на плечах и оттягивающими пояса фляжками.

– Шамовку притаранили, она дохлым фрицам ни к чему, – шмыгнув носом Алексей. – И ямайский ром, – облизнулся уже явно принявший Сашка.

– Че там за шум? – сонно приподнялся на локте, лежавший чуть в стороне, Терещенко.

– Да вот, ребята шамовку принесли, – подошел к нему Дим. – И немного выпивки.

– Добре, – потер заросшие щеки руками капитан и, оглядев спящих, бодро сказал, – команде подъем, приготовиться к завтраку!

Спустя полчаса, ополоснувшись в море и приведя себя в надлежащий вид, оставшиеся от роты разведчики, усевшись в круг и приняв «по лампадке», с аппетитом уплетали трофейные продукты.

– Хорошо жили, гады, вскрывая финкой – очередную коробку шпрот, сказал Вася Первозчиков.

– Да, с таким харчем можно воевать, – швырнув за спину пустую банку от голландской ветчины, Коля Алексашин

– А теперь давайте помянем наших ребят, – кивнул ротный Кацнельсону.

Тот свинтил колпачок с очередной, обшитой войлоком фляжки и передал ее ротному.

– Пусть им будет земля пухом, – скрипнул зубами тот, и забулькал горлом.

Дальше посудину принял Жора, и она пошла по кругу.

Когда завтрак подходил к концу и многие задымили трофейными «Спрингватер», снаряды послышались голоса, потом кто-то чертыхнулся и в сооружение ввалился один из адъютантов штаба.

– Еле нашел вас, – отряхнул полу шинели. – Николай Иванович, – тебя срочно к комбригу.

– Ну, если срочно, то тогда пошли, – встал со своего места капитан и бросил Вонлярскому, – Дим Димыч, остаешься за старшего.

Спустя час он вернулся.

– Так, флотские, кончай припухать, слушай поставленную задачу.

После чего уселся в центре на брезент и извлек из планшетки карту.

– По данным штаба, полученным от партизан, в районе Байдарской долины, – ткнул пальцем с обломанным ногтем, – к юго-западу от Севастополя, могут быть остаточные группы немцев.

Нам приказано двумя подвижными группами проскочить туда, разведать, что и как, после чего вернуться.

– Ясно, – протянул Вася Перевозчиков, – чего проще.

– Не говори «гоп», пока не перескочишь, – извлек из кармана сигарету капитан и щелкнул зажигалкой.

– Пойдут шестеро – почмокал губами. – Добровольцы имеются?

– Мы, – переглянулась тройка Вонлярского. – И я со своими, – добавил Перевозчиков.

– Ну, тогда на сборы пять минут и вперед, – сложив карту, сунул ее под целлулоид Терещенко.

– Голому собраться, только подпоясаться, – пошутил кто-то из моряков, и все рассмеялись.

– Без нужды в бой не ввязываться, – встав, продолжил капитан. – Туда и сразу назад. Мы все будем в штабе бригады.

– А где штаб? – поинтересовался Морозов. – Я Севастополь хорошо знаю.

– В Покровском соборе, – ответил ротный. – Вам быть там к 15.00. А теперь всем, кто свободен, на берег и доставить к дороге пару мотоциклов с колясками.

Когда получив подробный инструктаж, сопровождаемая капитаном группа спустилась к раздолбанной дороге, там уже стояли пофыркивающие моторами два немецких «Цундапа» с пулеметами, вокруг которых суетились морпехи.

– Вах, какие машины! – обращаясь к убывающим, хлопнул ладонью по одному, бывший катерник, Тофик Алиджанов, – Баки мы залили под завязку, а в зарядных сумках и багажниках, патроны с гранатами.

– Гарни кони, – пробасил Жора Дорофеев (остальные удостоверились в достаточности боеприпасов), после чего все расселись по мотоциклам, и Дим махнул рукой, – «форверст!».

В головном находилась его группа, а следующем позади, Василий Перевозчиков с Кацнельсоном и месяц назад переведенный в разведку из стрелковой роты, Миша Луценко.

Старший матрос был родом из этих мест, и знал где находится долина.

Прогрохотав по разбитому, окутанному чадом и сладковатым трупным запахом городу, «Цундапы» помчались вверх, оставив позади окраину, вырвались на степной простор, и в лица ударил свежий степной ветер.

– Крути машинку! – придерживая рукой бескозырку, орал сквозь него Дим сидящему за рулем Морозову. Жора мерно покачивался позади, зажав в зубах муаровые ленты.

С высоты открывался чудесный вид.

Чуть в стороне, до самого горизонта, в лучах майского солнца ультрамарином отливало море, а с другой, в синеватой дымке высились поросшие кустарниками и лесами горы.

Следуя по извилистой дороге уступом с интервалом в пятьдесят метров, разведчики внимательно вглядывались в окрестности, а порой останавливались, и Вася Перевозчиков обшаривал дальние склоны в бинокль.

Примерно через час, когда они приблизились к долине, справа от дороги, за ручьем, сквозь молодую листву проглянуло какое-то одноэтажное строение без крыши, и разведчики решили его осмотреть, так, на всякий случай.

Мотоциклы замедлили ход, поворачивая к объекту, и в следующую минуту из постройки ударил пулемет, а из окон зачастили шмайсеры

Дав газу и перелетев ручей, Петька вывернул руль, мотоцикл рыскнул за остаток какой-то стены, и в ответ Дим полоснул длинной очередью из МГ по постройке, а вот второму «цундапу» не повезло, он завалился в кювет и там кто-то громко вскрикнул.

– Прикрывай нас! – заорал в ухо старшине Жора (тот кивнул), и, закинув с Петькой за ремни по несколько гранат из мотоциклетных сумок, они ужами поползли на выстрелы.

Немецкие, с длинными деревянными рукоятками гранаты, как нельзя лучше подходили для прицельного метания, да и летели вдвое дальше, чем наши.

Между тем, присоединяясь к беснующемуся пулемету старшины, из кювета дружно ударили два ППШ, и от стен строения полетела каменная крошка.

Далее, один за одним, прогремело шесть взрывов, и наступила тишина. Звонящая и напряженная.

– Сдавайтесь суки! – заорали, уже откуда-то из кустов, растущих сбоку дома Перевозчиков с Кацнельсоном, а возникшие у фундамента Морозов с Дорофеевым, швырнув в два оконных проема по «лимонке», нырнули туда вслед за разрывами.

– Порядок, братва! – вскоре донеслось из-за стен, после чего Дим оставил раскаленный пулемет и вылез из коляски.

Когда он вошел внутрь, глазам представилась неприглядная картина.

По всему, кисло воняющему взрывчаткой помещению, были разбросаны подплывающие кровью тела немцев различных родов войск, а посреди всего этого разгрома стояли разведчики.

– Тринадцать рыл, – обернулся Кацнельсон к старшине. – Хорошо мы их уработали.

– Кстати, – Миши Луценко больше нет, – добавил Перевозчиков. – Они его срезали первой очередью.

– Я это понял, – нахмурился Дим. – Хороший был парень.

Затем, ступая по россыпи гильз, они направились во вторую, меньшую половину (где валялись еще семеро) и, взглянув в угол, побледнели.

Там, распятая на железной ржавой кровати, лежала девочка лет двенадцати, с раздвинутыми окровавленными ногами и забитым в рот кляпом.

Ее мертвые глаза были широко открыты.

– Как их земля носит? Это ж звери, – прошептал побелевшими губами Перевозчиков.

– Ее надо похоронить, – играя желваками, прохрипел Жора. – Вместе с Мишкой.

В наступившей снова тишине, под бетонным полом что-то зашуршало, разведчики настожились.

Ступая на носках, и держа наизготовку автомат, Кацнельсон, подошел к валяющемуся у обрушенной печи листу железа, заваленному осколками битых кирпичей и отгреб их ногой в сторону.

Под ними открылся темный проем.

– Вылазь гады! – передернул он затвор, и в проеме показались дрожащие руки.

Затравленно глядя на моряков, из него поочередно вылезли два полица в черной форме, с белыми повязками на рукавах.

– Хлопци, не вбывайтэ! – рухнув на колени завопил первый, а второй дробно стучал зубами.

– Так вот вы какие? – приблизил к нему лицо Левин, – детей насилуете?

– Это не мы! – отшатнулся тот. – Немцы!

– Где основная группа, тварь, – прошипел Вонлярский – Говори, быстро!

– Они уехали ночью на трех машинах к перевалу.

– Сколько?

– Человек пятьдесят или чуть больше, вместе с генералом.

– Ну, а вы за ними, – сделал Дим шаг назад, громынула очередь, и полицаи засучили на полу ногами.

Спустя десять минут, оставив накрытых плащ – палаткой девочку и Мишу снаружи у входа, мотоциклы помчались дальше.

Когда вынеслись на перевал, он именовался Байдарские ворота, Дим поднял вверх руку – «стоп», а Перевозчиков вскинул к лицу бинокль, осматривая открывшуюся перед ними долину.

Судя по ней, война прошла и здесь, что подтверждалось чернеющими в разных местах воронками, наличием траншей и брошенной немецкой техникой

– Вон там что-то есть! – кивнул в сторону дальнего леска Василий, и «цундапы», переваливаясь на рытвинах, заурчали в его направлении.

На опушке, в терновом кустарнике, стояли три сожженных грузовика, а в траве виднелись многочисленные следы. Они вели в горы.

– Ищи теперь ветра в поле, – в сердцах матюгнулся кто-то из ребят

– Сообщим в штаб, их там прищучат, – не согласился старшина. – Без снаряжения и жратвы, в горах много не напрыгаешь.

На обратном пути разведчики похоронили девочку под раскидистым кленом у ручья, а погибшего друга забрали с собой, решив упокоить его в братской могиле на Сапун-горе. Чтобы он всегда видел море.

Глава 7. Хороша страна Болгария

...В течение 20 октября в Северной Трансильвании наши войска вели наступательные бои, в ходе которых овладели населёнными пунктами Фернези-де – Сус, Роши-Орь, Егериште, Килия, Соконзел, Корны, Ходод, Бабука, Чехал, Жижир, Итэу.

Войска 2-го Украинского фронта, продолжая наступление, 20 октября в результате обходного манёвра конницы и танковых соединений в сочетании с фронтальной атакой штурмом овладели крупным промышленным центром Венгрии городом Дебрецен – важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны противника.

Западнее и южнее югославского города Суботица наши войска на территории Венгрии овладели городом и железнодорожным узлом Бачальмаш и на территории Югославии с боями заняли города и железнодорожные станции Башок, Бачка, Топола, Нови Вбрас, крупные населённые пункты Жедник, Душановац, Ново Село, Пачир, Старая Моравица, Байша, Емушич, Мали Идош, Секич, Фекетич.

Войска 3-го Украинского фронта, совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии, в результате упорных боёв завершили уничтожение немецкого гарнизона в городе Белград и 20 октября освободили столицу союзной нам Югославии от немецких захватчиков.

Юго-восточнее Белграда наши войска завершили ликвидацию окружённой группы войск противника. За время боёв в этом районе с 18 по 20 октября наши войска взяли в плен 8.147 немецких солдат и офицеров и захватили следующие трофеи: танков и самоходных орудий – 20, орудий разных калибров – 318, миномётов – 94, пулемётов – 320, винтовок и автоматов – более 6.000, бронетранспортёров – 20, радиостанций – 76, автомашин – 3.000, повозок с военными грузами – 2.250, лошадей- 3.500, мотоциклов – 150, тягачей – 24, складов с боеприпасами, вооружением и другим военным имуществом – 26. Противник оставил на поле боя до 9.000 трупов солдат и офицеров.

На других участках фронта – поиски разведчиков и в ряде пунктов бои местного значения.

За 19 октября наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 189 немецких танков. В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии сбито 40 самолётов противника.

(Из оперативной сводки Совинформбюро от 20.10.44)

83-бригада морской пехоты пополнялась.

После боев на мысе Херсонес и освобождение Севастополя, ее расположили в Балаклаве, и возникла короткая передышка.

Чтобы дать бойцам немного развеяться и отдохнуть, командование отправило некоторую их часть (туда попали и разведчики) в одно из близлежащих крымских сел на заготовку сена.

Село оказалось ничего себе: под сотню хат, с церковью, клубом и не особо ограбленное немцами.

Принявшие на постой моряков, селяне на славу угостили освободителей, а с утра те уже повзводно махали в полях косами.

– Такая работа по мне! – довольно басил Жора и пер вперед буром, словно трактор.

– Хорошо – улыбался, широко ворочая плечами Петька, а изрядно отставший Дим (он держал косу впервые), тихо поминал всех чертей и их святителей.

В полдень, исполнявший обязанности кока Сашка Кацнельсон молотил чумичкой* в кусок привязанного к столбу рельса, и все подкреплялись на расстеленных плащ – палатках наваристым кулешом с салом у полевой кухни, закусывая его черным хлебом и зеленым луком.

Однажды после обеда в небе грянул гром (сначала ребята подумали что это взрыв) и ломанулись к сложенному на бричке оружию, а потом сверху хлынул майский дождь, теплый и душистый.

Когда же он кончился, над степью, из края в край, повисла радуга, которую они видели за войну впервые.

После заката, когда в небе зажигались первые звезды, моряки возвращались в село, мылись у колодцев и прихорашивались. Облачась в форменки с синими воротниками и клеши, они прихватывали с собой аккордеон вслед за чем направлялись в сельский клуб, где их уже ждали местные девчата. «Сильного пола» в селе почти не было, только старики, да подрастающие пацаны, старающиеся походить на взрослых.

И до полуночи в клубе играл аккордеон, сменяя лихое матросское «яблочко» на вальсы, танго и кадрили.

Веселились все, кроме Жоры Дорофеева.

В боях за Севастополь Дуся Завалий была в очередной раз ранена и отправлена в глубокий тыл, в связи с чем он заливал горе вином, которое имелось практически в каждой хате.

После окончания танцев пары уходили за село, где в балках щелкали соловьи, и ребята любили девчат, как всегда бывает в таких случаях.

Не обошло это дело и бравого старшину.

Дим несколько ночей провел на сеновале с черноглазой вдовой Галей. Молодой и красивой.

Через неделю мирная жизнь кончилась, и всех отозвали в часть, где выяснилось, что Дим, как говорят флотские «намотал на винт», от этой самой Гали.

И в результате загремел в госпиталь, по полной программе.

Оттуда он написал маме в Тбилиси, что немного захворал и находится на излечении, а спустя несколько дней получил оттуда телеграмму. «Держись, сынок, вылетаю».

Когда прилетевшая с попутным «дугласом» майор Вонлярская, примчалась на машине в госпиталь, чада и след простыл. Оно выписалось и драпануло в бригаду, которую к тому времени передислоцировали в Одессу.

Соединение меж тем, вплотную придвинулось к государственной границе СССР. За которой раскинулись Балканы.

Входившие в гитлеровскую коалицию Болгария, Венгрия и Румыния, вместе с немцами располагали там почти миллионной армией, имевшей опыт войны на Восточном фронте.

В ночь на 22 августа 1944 года, под густым покровом ночи, бригада приступила к форсированию Днестровского лимана. А чтобы обеспечить скрытность, двенадцать километров до места высадки, морские пехотинцы шли своим ходом – на шлюпках.

Ритмично налегая на весла, увешанные оружием и боеприпасами, Дим с друзьями нет-нет, да поглядывали на чужой, без единого огня, западный берег.

Судя по всему, там царило спокойствие.

Однако когда до нужной отметки оставалась последняя сотня метров, затаившийся враг, открыл ураганный огонь по головным шлюпкам.

Вверх взлетали фонтаны воды, с берега неслись сотни огненных трасс, в небо взлетали осветительные ракеты.

Но долго активничать ему не дали.

С нашего берега ударили дальнобойные орудия, к ним подключилась бригадная артиллерия, а вслед за шлюпками, из которых уже с ревом высаживался десант, к берегу рванули бронекатера с подкреплением.

Знавшие не понаслышке, что такое «черная смерть», румынские части дрогнули и стали отступать, сначала в месте высадки, а затем и на других участках обороны.

Очень скоро в этот массовый, захватывающий все на своем пути поток, оказались вовлечены и более стойкие их союзники – немцы.

Как часто бывает в таких случаях, возникли паника и неразбериха, которые десант тут же обратил в свою пользу.

Захватив первую линию обороны, атакующие рванули дальше, вопя «полундра», расстреливая бегущих из всех видов оружия.

Разведчики чувствовали себя в этом аду как акула в море.

Петька Морозов затесался во вражескую колонну, а затем, резко отскочив в сторону, подорвал противотанковой гранатой головной тягач с пушкой и положил из ППШ расчет, а Дим с Жорой, усиливая эффект, метнули туда еще тройку.

В это же время Вася Перевозчиков с Сашкой Кацнельсоном, вооружив брошенный немцами миномет, накрыли прицельным огнем хвост колонны.

Завершила дело подоспевшая группа десантников, во главе с замполитом бригады подполковником Александровым.

Зажав мечущегося на дороге противника с двух сторон, морпехи посекали его перекрестным огнем в упор из ручных пулеметов и автоматов.

А неразлучная тройка уже выныривала в другом месте.

И снова в вызванной их действиями панике, убивала и брала пленных.

Впрочем двоих, не рассчитав сил, Жора сгоряча пришиб насмерть, зато верткий и живой как ртуть Петька, изрядно преуспел в этом деле.

Он захватил десяток фашистов во время боя, а затем подорвал черный «хорьх», из которого вытащил оглушенного полковника, которого вместе с друзьями доставил в штаб, пред светлые очи комбрига.

– Хорошо воюете хлопцы, – довольно крикнул тот. – Я этого не забуду.

Впрочем, не обошлось без потерь. Так всегда бывает в наступлении.

На третьи сутки, у села Байрамча, смертельно ранило подполковника Александрова.

Когда возглавляемый им отряд выкатил на прямую наводку две «сорокапятки» и открыл шрапнельный огонь по скоплению противника, выползший из-за пригорка немецкий бронетранспортер всадил в комиссара очередь из пулемета.

В этот же день погиб и командир разведчиков, Николай Терещенко.

То ли в азарте преследования, то ли по ошибке, разогнавшись на трофейном мотоцикле, капитан буквально влетел в группу отступавших немцев.

И как не спешили к нему на подмогу ребята, все закончилось трагически. Из боя они вынесли уже бездыханное тело.

Серьезное ранение в голову, еще при высадке, получил и сам Дмитрий Вонлярский. Но в госпиталь идти наотрез отказался. И тогда Жора, вспомнившего старый казачий способ, наметал земли с порохом из ополовиненного патрона, скрепил эту смесь собственной слюной и залепил ему обильно кровоточащую рану. А для надежности обмотал бинтом из индивидуального пакета.

Завершение кровавой мясорубки, в которой почти полностью были разбиты две румынских и одна немецкая дивизия, было отмечено торжественным событием – вручением соединению Боевого Знамени, с вышитым на нем новым, заслуженным в боях наименованием.

На алом полотнище золотом сияли слова: «83-я отдельная стрелковая Новороссийская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты».

Не обошли награды и трех друзей.

За героизм, мужество и отвагу, Петр Морозов был представлен командованием к званию Героя Советского Союза, Вонлярский получил орден «Отечественной войны», а Дорофеев второй орденом «Славы».

Как-то в перерывах между боями, Дим вместе Жорой и Петром, навестил своего старинного приятеля по парашютному батальону, а теперь командира роты автоматчиков, старшего лейтенанта Георгия Калмыкова.

Встречу, как полагалось «вспрыснули», и во время нее Георгий познакомил разведчиков со своим лучшим взводным Михаилом Ашиком.

Лейтенант пришел в бригаду весной, успев повоевать пулеметчиком на Южном фронте и закончив офицерские курсы. А еще он был коренной питерец, и они с Вонлярским сразу нашли общий язык: Миша бывал в Москве, а Дим в Ленинграде.

– Ну, застрекотали антилигенты, – ткнул Петра вбок Жора. – Давай, ротный, наливай, а то их не переслушаешь.

Потом были еще несколько встреч, и Дим с Мишей по – настоящему сдружились.

Одним днем Вонлярского вызвали в штаб, где новый замполит Емельянов предложил ему вступить в Партию. Мол, оборонял Москву, отмечен самим Ворошиловым и вполне достоин.

В отличие от погибшего Александрова, он вдохновлял бойцов, как, правило, в политотделе, где «крепил ряды» и на передовой появлялся редко.

– Спасибо, за доверие, оправдаю, – проникся Дим и тут же накатал заявление.

Он верил в ленинскую партию большевиков (примером для него являлась мама), настоящим коммунистом был прежний комиссар и многие краснофлотцы.

А спустя некоторое время майор вызвал Вонлярского опять и поинтересовался – ты почему скрыл, что твой дядя враг народа?

– Какой враг?! – опешил старшина. – Такого быть не может!

– Может, – последовал лаконичный ответ, и начальник показал ему официальную бумагу из «СМЕРША».

В ней значилось, что Вавилов Михаил Михайлович, в октябре 1943-го осужден как контрреволюционный элемент по статье 58 п.10 УК РСФСР сроком на семь лет и отбывает наказание в исправительно-трудовом лагере.

– Так значит, ты ничего не знал? – забарабанил пальцами по столу майор.

– Не знал и не верю, – впился в него глазами Дим. – Это какая-то ошибка.

– Наши органы не ошибаются, – отвел свой начальник. – Так что о Партии забудь. Можешь быть свободен.

Когда бледный от ярости и обиды старшина вернулся в роту, встревоженные Жора с Петькой спросили, – что случилось?

Он рассказал о разговоре с начальником политотдела, и ребята долго молчали.

– Ты знаешь, Дим Димыч, – скрутив сигарку, чиркнул спичкой Дорофеев. – У нас в соседнем районе был председатель, который служил с самим Жуковым. В тридцать седьмом его посадили как шпиона, а перед самой войной выпустили. Мол, случилась промашка

– За дядьку надо вступить, – тут же принял решение Морозов. – Напиши Сталину и точка. Если надо, мы с Жорой подпишемся.

– Спасибо, ребята, – сказал Дим, после чего отправил письмо маме.

В нем он сообщил о том, что узнал и стал ждать ответа.

Потом пришла весть из Тбилиси. Мария Михайловна писала, что она не хотела расстраивать сына и уже хлопочет о брате, что ему делать запрещала.

Дмитрий знал мамины связи, и перечить не стал. Она слов на ветер не бросала.

Вслед за этим была высадка в болгарском порту Варна. Бескровная и какая-то праздничная.

Посигав с катеров на причал и привычно рассыпавшись веером, морпехи никакого сопротивления не встретили. Кругом стояла мертвая тишина – на судах, покачивающихся на волнах, в порту и прилегавших к нему улицах.

– Не иначе драпанули, – настороженно озирались десантники.

И вдруг со стороны огромных, ведущих в порт ворот, донесся какой-то шум, похожий на вой и стал приближаться.

Ребята оружие на прицел и все внимание туда, ожидая атаки.

Но тут створки ворот распахнулись, и на причал выкатилась большая толпа болгар, орущих «братушки!» и ликующих.

Первых, попавшихся под руку моряков, она сгребла в охапку и стала подбрасывать вверх, а многочисленные девушки, вручали остальным цветы и радостно визжали.

Седой усатый дед заключил Петьку в дружеские объятия, а смуглая красотка взасос целовала опешившего Жору, тот счастливо улыбался.

Целых двое суток в городе царило веселье. Болгары угощали «братушек» вином, наперченными кебабами, брынзой и фруктами, в разных концах города звучали волынки и бубны

В эти дни разведка потеряла Сашку Канцельсона. Правда, в переносном смысле.

Изрядно приняв ракии,* он отправился знакомиться с достопримечательностями Варны и в центре, у дверей булочной, увидел стайку оборванных мальчишек.

Те просили у толстяка в белом фартуке хлеба.

– Халата да те духне! – выругался толстяк и дал одному затрещину.

Не терпевший несправедливости Сашка вмешался, и, отпихнув хозяина, завел ребятишек внутрь, где одарил всех свежими булками. А когда тот стал возмущаться, надавал жлобу* по шее. Исключительно в воспитательных целях.

Обиженный сбегал в порт и пожаловался начальству, за что Сашку выперли из разведки, переведя в стрелковый батальон, где его пригрел под своим крылом в качестве ординарца лейтенант Миша Ашик.

Далее последовала срочная переброска в Бургас* и долгий путь в раздолбанных вагонах и пехом, к новому месту дислокации.

Болгария оказалась изрядно разоренной немецкими союзниками, в отличие от жителей городов, сельское население перебивалось мамалыгой с овощами, и вскоре у моряков «кишки к позвоночнику приросли», как выразился Петя Морозов.

По прибытии на место, высыпав из вагона разведчики сразу навалились на Димыча.

– Организуй питание старшина и точка!

– А чего я? – набычился тот. – Топайте к Абдуле, я всего лишь заместитель.

Командир взвода лейтенант Абдуллаев свое дело знал хорошо, но во всем, что касалось снабжения, был как говорят «не того» и препоручал все Диму.

Так вышло и в этот раз. Выслушав моряков и тяжело вздохнув, лейтенант подошел к Вонлярскому.

– Очень надо дорогой, – просительно взял за рукав. – Ты же знаешь, не умею я с этими тыловыми крысами.

– А я умею? – пробурчал старшина и сплюнул на землю.

– Ну да, – хитро прищурил раскосые глаза Абдулаев. – Еще как умеешь.

Интендантскую братию Дим не любил всеми фибрами души, но все что положено, у них вырывал. Иногда с боем.

– Ладно, попробую, – сдвинул на затылок бескозырку. – Жора, почапали со мной к фуражирам.

Спустя полчаса они вернулись.

Дорофеев нес в руке пол цибарки кирзы* с кирпичом хлеба, а Дим покоил на груди три банки «второго фронта»*.

– Это че, на весь взвод?! – возмутились моряки, увидев такое изобилие.

– Больше нету, – пожал плечами Дим, – начпрод говорит, тылы отстали.

Кстати, тут у меня возникла мысль, вы пока организуйте костер, а мы с Жорой немного пошустрим. И они направились к вагону, в котором ехали. Тот был последний в эшелоне.

Еще на подъезде к станции, Вонлярский засек из окна теплушки, светлое пятно, которое передвигалось далеко в степи, куда уходила грунтовая дорога.

Кряхтя, приятели вытащили из вагона двухколесный «БМВ» (в роте таких было несколько), взгромоздились на него, после чего мотоцикл тихо заурчал и покатил назад, в сторону грунтовки.

– Щас чего – нибудь организуют, – проводили экипаж взглядами моряки, вслед за чем двое направились к небольшому, окаймленному ивами пруду за водою, а остальные занялись костром и принялись выгружать амуницию.

Выскочив через пару километров на дорогу (судя по виду, по ней ездили не часто), мотоцикл понесся в степь. Она была почти такая же, как в Крыму, но с разбросанными в разных местах перелесками.

– Вон там, слева по курсу! – проорал сквозь бьющий в лицо ветер Дорофеев, после чего Дим сбросил газ и «БМВ» тихо заурчал мотором.

На пологом склоне, рядом с буковым леском, паслось изрядное стадо свиней, а рядом с ним, опершись на герлыгу*, стоял пожилой человек, в постолах, с трубкой в зубах и мохнатой шапке.

– Здорово, отец! – остановил старшина рядом мотоцикл, а Жора, приподнял над головой бескозырку «наше вам с кисточкой!».

День добрый, хлопцы – кивнув шапкой, ответил тот по-русски, с небольшим акцентом.

– Ты гляди, Дим, – слез с сиденья Жора. – Дядько на нашем балакает.

– И разумею и знаю, – солидно ответил пастух. – Мой дед воевал на Шипке* у генерала Гурко. Против турок.

– Ну, тогда помоги нам, – кивнул на стадо старшина. – Выдели одного кабанчика, в дороге совсем оголодали.

Болгарин перевел взгляд с него на Жору (тот сделал добрейшее лицо), задумался и почмокал трубкой.

– Добре, – сказал через минуту. – Берите вон того, с краю и указал на громадную свинью, жевавшую что-то вроде газеты.

Сдернув с плеча автомат, Дорофеев направился к ней, и коротко стрекотнула очередь.

Потом моряки захлестнули «кабанчику» петлей задние ноги (веревка была припасена заранее), прицепили добычу к своему железному коню и снова подошли к дядьке.

– Держи, это тебе, – снял с жилистой руки и протянул деду трофейную «Омегу» Дим. – Хорошие часы, не штамповка.

– Не, – отрицательно повертел головой тот. – То вам подарок, добре бьете германа.

– Бери-бери, – расплылся в улыбке Жора. – Мы себе еще достанем.

Потом взревел сильный мотор, и моряки поволокли добычу за собой, обрадовать страждущих.

Спустя час, довольно переговариваясь, взвод наворачивал из котелков наваристый суп, а потом подкреплялся сочными, зажаренными на шомполах кусками свинины.

Как водится, поделились и с другими, привлеченными аппетитным запахом.

И никто не ведал, что в это время на столе командования уже лежал очередной приказ, подписанный лично Сталиным.

Впечатленный последней встречей в Кремле с видным деятелем Коминтерна, лидером болгарских коммунистов Георгием Димитровым, он проникся особой заботой о «братушкам», повелев строго пресекать «любое самоуправство со стороны отдельных военнослужащих РККА в отношении гражданского населения и их имущества».

О полуголодных, плохо обмундированных и часто недовооруженных красноармейцах в приказе не упоминалось. О работающей абы как, службе тыла также.

Зато содержалось иное: отныне не только стервятникам – мародерам, которые, как известно, есть в любой армии, но и слишком инициативным грозил военный трибунал.

Под эту раздачу и попал Дим Димыч.

Слух о кабане достиг ушей высокого начальства. В лице бригадного замполита.

– Подать сюда этого махновца! – приказал тот. – Я ему покажу, как нарушать приказы Верховного!

Виновный был немедленно вызван в политотдел вместе с командиром роты.

А там уже собралось что-то вроде «особой тройки»*.

Военный прокурор, начальник «СМЕРШа» и председатель трибунала.

– Ну что, допрыгался, герой? – взял быка за рога начпо и, подойдя к старшине, заложил руки за спину.

– Не понял, товарищ подполковник! – вытянулся Дим. – Если можно, поподробнее.

– Можно и так, – переглянулся главный чекист с прокурором, после чего зачитал бумажку, назвав таковую оперативным донесением.

Из нее следовало, что старшина Вонлярский, при участии краснофлотца Дорофеева, двое суток назад доставил в подразделение свинью, отобранную у населения.

– Было или нет? – спросил председатель трибунала.

– Точно так, было, – кивнул чубатой головой Дим. – Нам хозяин ее отдал безвозмездно.
– Ты, лишенец, его просто запугал, – прозрачно взглянул смершевец на старшину. – Давай, колись сам, пока я добрый.

– А вы все записывайте, – скрипнул ремнями в сторону двух писарей, – своего и прокурорского.

Дим мучительно соображал, с чего начать, а потом сделал рожу ящиком и выдал.

– Она хрюкала на товарища Сталина!

У замполита отвисла челюсть, трибуналец икнул, а прокурор промокнул лоб платком. Такого они еще не слышали.

– Ну да, – упрямо сказал Дим. – Хрюкала и мы ее пристрелили. А вы записывайте, чего рты открыли? – пробубнил в сторону писарей. – Чтобы все было слово в слово. Иначе не подпишу. И точка.

Дело в том, что когда они с Жорой обихаживали свинью, то обратили внимание на недожеванную ее газету.

Она была на болгарском, и там действительно был портрет Сталина, запечатленного с Димитровым. Вот это Дим и решил использовать в свою пользу.

Удар попал в точку.

Ставить в протоколах рядом имя великого вождя и свиньи, было смерти подобным.

После длительной паузы, все взгляды обратились на бледного командира роты.

– Он у тебя не того? – покрутил у виска пальцем военный прокурор. – Контузий не наблюдалось?

– Было дело, – наморщил капитан лоб. – При форсировании Днестра Вонлярского ранило в голову, но в госпитале он не лежал, может это последствия?

– Точно, контузия, – буркнул председатель трибунала – После нее и не то бывает.

– Ладно, – можете быть свободными, – бросил начальник политотдела Диму с капитаном.

– Но что б мне ни-ни! И погрозил пальцем.

Когда потные старшина с ротным вышли из помещения, снаружи их встретили Морозов и Дорофеев.

– Во! А вы чего приперлись? – удивился Дим.

– На всякий случай, – был ответ. – Думаешь, мы бы тебя так просто отдали?

Глава 8. Вверх по Дунаю

«...В октябре 1944 года более четко обозначился замысел немецко-фашистского командования в Югославии. Оно не только спешно отводило свои войска на север, но и форсировало строительство оборонительных рубежей по рекам Драва, Сава и Дрина. Эти рубежи, по-видимому, предназначались для того, чтобы прикрыть отход гитлеровских сил из Италии и Югославии в Венгрию и Австрию. На линии Триест, Марибор, Братислава тоже спешно готовились хорошо укрепленные позиции, или, как их называли сами немцы, «рубежи решительного сопротивления». Они должны были обеспечить сплошной фронт немецко-фашистских войск от Италии до Венгрии. Противник ждал, что советское командование будет вбивать клин в этот фронт, и готовился к противодействию...»

(Из книги генерала Штеменко С.М. «Генштаб в годы войны». Москва. Воениздат 1989)

Продвигаясь по железной дороге, 83-я бригада миновала болгарские города Ямбол, Стара Загора и Пловдив, пару суток простояла в Софии и у небольшого городка Цареврод пересекла болгаро-югославскую границу.

В Югославии бойцам повсюду открывались следы партизанской войны с оккупантами – мосты и туннели взорваны, станции сожжены.

Разрушенные участки пути обходили пешим маршем, потом снова забирались в вагоны.

В Белграде, освобожденном от немцев всего две недели назад, выгрузились на платформы.

С этого рубежа бригада моряков превратилась в длиннющую походную колонну, состоявшую из пеших батальонов, рот и растянувшихся по шоссе конных обозов.

Путь проходил вдоль Дуная.

Извилистая дорога прижималась к берегам и повторяла все изгибы великой реки. Стояла глубокая осень. Хмурые облака низко висели над свинцовыми волнами.

На поросших ивами и кустарником берегах не было ни судов, ни лодок, да и людей было незаметно.

Все кругом казалось унылым, пустым и безжизненным.

По утрам Дунай затягивало плотным, как дымовая завеса туманом.

Холодные ветры без труда пронизывали отсыревшие шинели и бушлаты, прохватывая до костей. В разбитых сапогах хлюпала вода, плащ-палатки напитывались влагой и совсем не защищали от сырости.

Не просыхающее от затяжных дождей шоссе бесконечно и скучно тянулось под ногами.

– Шире шаг! – простужено звучали командные голоса. – Подтянуться!

Еще через несколько дней, приписанное к Дунайской флотилии соединение, погрузилось на бронекатера и двинулось дальше по воде, попав в родную стихию.

Эти малотоннажные корабли проекта «1125», как нельзя лучше были приспособлены для боевых действий в прибрежных водах, заливах, а также речных акваториях.

При длине 22 метра, водоизмещении в 30 тонн и мощных двигателях, развивавших скорость до 18 узлов, они выполняли задачи по охране и патрулированию водных районов, уничтожению береговых объектов противника, постановке мин, высадке разведгрупп и десанта.

Имея достаточно сильное вооружение, состоявшее из танковой 76-мм пушки, двух спаренных ДШК* и башенного пулемета, такой катер представлял собой грозную боевую единицу и мог взять на борт взвод десантников.

Гоня перед собой буруны, и трепеща флагами на гафелях*, катера со стоящими на палубах бойцами, неслись вперед, на запад.

На правом берегу, в районе городов Вуковар, Илок и Опатовец, противник создал глубоко эшелонированную оборону, опиравшуюся на мощные приречные пункты и узлы сопротивления.

Сосредоточенные в них две пехотные и одна танковая армии группировки «Сербия» сражались, выгодно расположившись на капитально оборудованных позициях, на которые нашим предстояло наступать с открытой местности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.